

АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Северная война

Двойник Светлейшего

Андрей Бондаренко

Северная война

«Автор»

2010

Бондаренко А.

Северная война / А. Бондаренко — «Автор», 2010 — (Двойник Светлейшего)

Егор был профессиональным военным. Жил в России, пусть не слишком счастливо, зато – наслаждаясь благами XXI века. Но однажды ему предложили высокооплачиваемый контракт. Долгосрочный, на пять лет. На охрану первого лица государства. Царя Всея Руси Петра Алексеевича Романова. От такого не отказываются. Только не бывает в истории лишних персонажей. Пришлось Егору стать... Александром Меншиковым. Ближайшим другом и сподвижником Петра Первого, полноправным жителем XVIII века, со званиями, должностями, деньгами и крепкой семьей. И когда срок контракта истек, Егор даже не стал задумываться. Остался. Все бы ничего, но у порога уже стоит Карл XII, а за ним – непобедимая армия шведов. Егору, а вернее, теперь уже Светлейшему князю Александру Меншикову, предстоит заслужить звание генерал-фельдмаршала русской армии. Грядет Северная война.

© Бондаренко А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

От автора	5
Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	24
Глава четвертая	34
Глава пятая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Андрей Бондаренко

Северная война

От автора

Времена царствования Петра Первого – эпоха очень интересная и весьма неоднозначная, наполненная до самых краев сложными загадками и многочисленными недоговоренностями...

Вот и подумалось как-то на русском весеннем рассвете, что уважаемому читателю, может быть, захочется немного попутешествовать по тем славным временам, взглянуть на них глазами своего современника, волей судеб занесенного туда...

Непредвзято так взглянуть...

Тем более что главный герой – человек очень активный и действенный. Обжившись в Прошлом, он начинает – вольно или невольно – вмешиваться в Историю, значимо изменяя ее ход...

Глава первая

Сны – всякие и разные, смерть генерала Лефорта

Гребные струги, послушно выстроившись в визуально ровный и почти идеальный ряд, успешно преодолевая плавное течение Дона, упорно продвигались на север – к месту впадения в Дон реки Воронеж.

Вторая декада октября месяца 1698 года выдалась на удивление тихой, безветренной и солнечной. По берегам Дона тут и там горели неаккуратные дымные костры, весело скакали небольшие конные отряды башкир и казаков, сопровождая русское посольство, возвращающееся из Константинополя со славной победой: две с половиной недели назад был подписан важнейший договор – о заключении семилетнего и нерушимого мира.¹

На носу передового струга неподвижно сидел, сонно вглядываясь в заманчивые и загадочные речные дали, Егор Петрович Леонов. Вернее, в настоящий исторический момент царский любимчик – Александр Данилович Меньшиков: генерал-майор, командир Преображенского полка,² пожалованный полтора месяца назад весьма почетным званием пэра (российского пэра,³ ясный пень!), Великий посол, один из богатейших людей России.

«Как спать-то хочется! – вяло подумал Егор. – Устал что-то я очень – с этими хитрыми турками. Да и со всем остальным прочим... Надо будет обязательно съездить в мою Александровку. Жену Саньку прихватить с собой, детей, отдохнуть – по полной программе, развеяться немного...»

Подумал – и заснул...

Первый сон был щедро наполнен обрывочными и цветными картинками из его далекого Будущего (или – уже Прошлого?), точнее, из так нелюбимого (уже – нелюбимого!) двадцать первого века, еще точнее, из поздней весны 2009 года...

Он сидит в массивном антикварном кресле, толстые, четырехугольные ножки которого намертво привинчены к деревянному полу, а его руки – накрепко пристегнуты к черным подлокотникам кресла широкими кожаными ремнями. Напротив кресла – в трех-четырёх метрах, стоит, широко и загадочно улыбаясь, стройный пожилой мужчина – обладатель неправдоподобно густых, длинных седых волос и молодых, смешливых ярко-голубых глаз. Многознающих и мудрых таких – глаз...

– Меня зовут – Координатор, для вас этого вполне достаточно, – холодно и строго сообщает мужчина. – Как зовут вас, я, как вы понимаете, знаю. Вы не будете против, если на этом этапе нашего разговора я буду говорить, а вы, в основном, слушать? Вот и хорошо. Впрочем, не возражается и обмениваться вопросами. Итак, Леонов Егор Петрович, двадцать три года с небольшим. Родились еще в Ленинграде, маленькая комната в коммунальной квартире – на Средней Охте, мать-одиночка, отца своего не знаете. С детства имели склонность к точным наукам, окончили специализированную физико-математическую школу. Всегда отличались повышенной любознательностью, имели очень широкий круг интересов. В младших классах вы посещали химический кружок при Дворце пионеров – пока этот Дворец еще работал, потом активно занимались в театральной студии, в старших классах посвятили себя спорту: самбо, дзюдо, карате... Особых спортивных успехов не достигли, но получили определенные навыки, весьма полезные в жизни повседневной... И с театральной студией вы никогда не порывали

¹ Благодаря усилиям главного героя, мирный договор с Турцией был заключен почти на два года раньше, чем в действительности.

² Настоящий Александр Данилович Меньшиков никогда не командовал Преображенским полком.

³ Звание «российского пэра» – авторский вымысел.

до конца, и факультативные занятия по английскому языку не обделяли своим вниманием, умудряясь как-то совмещать вещи мало и плохо совместимые. Интересный такой вот сплав, право... После одиннадцатого класса вы оказались перед выбором: поступать на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета или – в один из театральных вузов. Победила – и совершенно напрасно, между нами говоря, – любовь к театру... Хотя, кто знает, в конечном итоге? Продолжаем. Вы подали документы сразу во все питерские театральные учебные заведения. Не поступили, ну так сложилось, со многими бывает... День рождения у вас в феврале, поэтому весной 2005 года вас забрали на воинскую службу. Честно отслужили два года по призыву, потом еще два – по контракту: в разных южных, немного странных и беспокойных странах. Причем в элитных войсках особого назначения. Не будем уточнять, в каких конкретно... Владеете приемами восточных единоборств, прошли специализированные курсы военных телохранителей, знакомы с азами диверсионной деятельности. Все эти четыре года ваша невеста Наталья регулярно писала вам письма, клялась в своей верности, обещала дожидаться. Но четыре года? Не многовато ли, мон шер, для девушки современной? Когда вы демобилизовались, выяснилось, что недавно Наталья вышла замуж – за юного лейтенанта-связиста, и вместе со своим мужем уехала куда-то на Дальний Восток, на заброшенную пограничную заставу. А ваша любимая матушка, примите мои уверения в искреннем сочувствии, умерла от рака за две недели до вашей демобилизации. О ее болезни вы совершенно ничего не знали... Пока я излагаю все правильно? Тогда продолжаю... Вы решили на какое-то время (или даже – навсегда?) уехать из России. Для начала – на Кубу, где живут ваши кубинские сослуживцы, с которыми вы успели подружиться. Как вы выразились сегодня утром на кладбище: «У Диего есть возможность выправить визу в Сальвадор. Или – в Никарагуа? Впрочем, неважно! Повоюем немного – за местных повстанцев. Там, говорят, платят неплохо...» Что ж, военный наемник – вполне уважаемая профессия – по нашим мутным временам, можно и солидный капитал заработать – на безбедную старость, если, конечно, не убьют... Разрешите вопрос. А почему именно Куба, Никарагуа, Сальвадор? Разве на этой прекрасной планете мало других интересных мест, где наемникам тоже платят приличные деньги?

Егор (тот – что из сна) неопределенно и легкомысленно пожимает плечами:

– Да мне, собственно, все равно. Можно и в другое место... Район Карибского моря – просто потому, что там тепло и много стройных мулаток. Старика О. Генри я в юности много читал – «Короли и капуста» – например, вот и решил. Опять же друзья там мои живут хорошие, проверенные... А вы, уважаемый господин Координатор, представляете интересы ФСБ? Какой-нибудь другой знаменитой спецслужбы?

– Можно и так сказать: какой-нибудь другой международной спецслужбы. Но вам, как и всем прочим – рядовым жителям этой планеты, совершенно неизвестной! Что совсем и неважно – в данной конкретной ситуации. Здесь важно только то обстоятельство, что вам совершенно все равно, куда уезжать. Ведь так?

– Только не в Антарктиду! – отвечает Егор. – С детства не люблю холода!

– Нет, не в Антарктиду, – мимолетно улыбнувшись, успокаивает собеседник. – Климат для вас будет вполне привычным, без неожиданностей. Как вы отнесетесь к такому предложению: уехать... мм... в другое время?

– Не знаю пока! – честно отвечает Егор. – Неожиданное такое предложение...

– Не удивляетесь, не возмущаетесь, не требуете прекратить эти дурацкие шутки. Почему, собственно?

Егор смешно морщит нос:

– Все очень просто, господин Координатор! Когда-то все написанное Жюлем Верном многим казалось фантастикой и глупыми сказками. Потом эти сказки начали сбываться – одна за другой... Так что я не вижу ничего странного и необычного, если и перемещения во времени когда-нибудь станут обыденной реальностью.

– Bravo! – Мужчина несколько раз негромко аплодирует. – Вы, Егор Петрович, весьма занятный молодой человек. Вот и в вашей характеристике из воинской части написано: «обладает ярко выраженным философским складом ума, склонен к сложным логическим построениям, на основании которых может принимать абсолютно авантюрные решения!» Вы, что называется, воистину «наш клиент»!

– Я очень рад за вас! – пессимистически улыбается Егор. – Но нельзя ли более подробно узнать о сути вашего предложения?

Координатор внимательно смотрит ему в глаза:

– Вы в школе изучали биологию? Наблюдали через микроскоп за каплей воды, наполненной разными микробами?

– Было такое дело, наблюдал...

– И острой иглой тыкали в капельку?

Егор задумчиво морщится:

– Да вроде. Еще песчинку помещали в эту каплю, что-то там еще. Экспериментировали по-разному, так сказать.

– Очень хорошо! Тогда вы должны правильно понять меня. Представьте себе, что наша с вами древняя и прекрасная планета Земля, вместе со всеми ее обитателями, это просто обычная «капля воды, наполненная микробами», – под чьим-то микроскопом. Для нас проходят века, для того, кто сидит за микроскопом, – часы, а может даже – и минуты. И этот неизвестный исследователь, а по факту – многочисленные исследователи, упрямо ставят над бедными «микробами» разные опыты!

– Какие... опыты?

– Самые разные. Например, определенному виду бесконечно глупых обезьян делаются инъекции, способствующие активизации работы головного мозга. Стимулируют и катализируют, выражаясь по-научному, процесс естественной эволюции. Время от времени доверчивому человечеству подбрасывают коварные «подарки»: колесо, технологию плавки бронзы и железа, письменность, счеты, современную демократию, двигатель внутреннего сгорания, динамит, ядерную бомбу, Интернет... Чтобы придать всему исследовательскому процессу требуемую динамику. Параллельно с этим осуществляются сложные и неоднозначные психологические эксперименты, моделируются различные поведенческие ситуации, провоцируются экстремальные процессы...

– Моделируются ситуации, провоцируются экстремальные процессы... – непонимающе и хмуро ворчит Егор. – А можно поподробнее, уважаемый мистер Координатор?

– Да без вопросов, уважаемый господин Леонов! Допустим, только на минутку, что такие одиозные фигуры, как Александр Македонский, Нерон, Наполеон, Петр Первый, Емельян Пугачев, Ленин, Гитлер, Сталин – и многие другие неординарные личности, достаточно серьезно поменявшие ход развития истории человечества, появились не сами по себе...

– А откуда?

– От верблюда. Их ввели в игру наши «экспериментаторы». Понимаете теперь?

– Нет! – честно признается Егор. – Кто они такие, эти «экспериментаторы»? И чьи интересы тогда представляет ваша спецслужба?

– «Экспериментаторы», как легко догадаться, не являются жителями нашей планеты, – строго и печально произносит обладатель многознающих глаз. – А служба, которую я имею честь представлять, как раз и отстаивает интересы «капельки воды, наполненной мирными микробами». Человеческой расой, то бишь. Пресекаем, по мере наших скудных сил, наиболее опасные и изощренные эксперименты. Вот и вам, господин Леонов, мы предлагаем: оказать одну важную услугу – всему человечеству, так сказать, в целом...

Координатор загадочно замолкает, молчит и Егор, пытаясь хоть как-то переварить полученную информацию. Потом он спрашивает:

– И есть конкретные успехи у вашей славной службы? Много гадких и изощренных «экспериментов» вам удалось пресечь?

– Много! – Глаза мужчины становятся жесткими и холодными. – Например, Третья мировая война, с широкомасштабным использованием ядерного оружия, так и не началась. Хотя наши «оппоненты» пытались спровоцировать начало этого события не один десяток раз. Первая попытка была предпринята еще весной 1944 года, когда вермахт был оснащен «грязной» атомной бомбой. Только усилия нашей специальной группы позволили предотвратить ее применение – ценой серьезных и невосполнимых потерь... А ведь это, в свою очередь, могло коренным образом изменить и весь ход Второй мировой войны. Не так ли?

– Запросто – могло! – подтверждает Егор. – Только вот – почему именно я вас заинтересовал? Только не говорите, что, мол, из-за моего философского склада ума и врожденной любви к различным авантюрам... Идиотов всегда в зеркале надо искать...

Его собеседник резко поднимается со своего стула, отходит куда-то в сторону.

«Сколько же ему лет? – спрашивает Егора его внутренний голос. – Прямая спина, осанка – двадцатилетнего юноши, а морщин на лице и шее – как будто ему уже далеко за восемьдесят...»

Координатор ловко подкатывает элегантную тележку на колесиках, на которой укреплен портрет мужчины средних лет: объемный рыже-оранжевый парик, старинный кафтан, щедро украшенный красно-зелеными самоцветами и пышными сиреневыми кружевами, на боку – длинная шпага в позолоченных ножнах.

– Вам никого не напоминает сей важный вельможа?

Егор внимательно всматривается, отвечает – совсем даже неуверенно:

– Пожалуй, этот господин очень похож на меня... Или – я на него? Только здесь ему лет тридцать пять, да и этот дурацкий кудрявый парик... А так – да, есть очень даже много общего. Кто это такой?

– Это – Светлейший князь Меньшиков Александр Данилович! – непонятно чему скупно улыбается собеседник. – Должен вам сообщить, что вы, Егор Петрович, его прямой потомок – по материнской линии: ваши генетические характеристики совпадают самым поразительным образом с аналогичными характеристиками Светлейшего...

– А что дальше? Чем я могу быть вам полезен?

– Проект «Петр Первый» был, естественно, спланирован и осуществлен нашими инопланетными «исследователями». Как и что? Детали сейчас совершенно неважны, не забивайте себе голову лишним хламом. Несколько слов по сути этого проекта. В конце семнадцатого века Россия отставала по целому комплексу самых различных показателей от стран Западной Европы. Лет на двести – двести пятьдесят. Планировалось выяснить: может ли один сильный человек, облеченный практически безграничной властью, кардинально, в очень короткий исторический период времени, изменить данную негативную ситуацию? Чем завершился этот «эксперимент» вы, безусловно, знаете...

– Очень успешно завершился! – уверенно кивает головой Егор. – Что же дальше?

– По сведениям, поступившим по нашим секретным каналам, стало известно, что наши «ученые» разрабатывают следующий проект – абсолютно логическое завершение первого... Они хотят понять, как крутое изменение в Прошлом – путем искусственного вмешательства, может изменить Настоящее. Это первый «эксперимент» такого рода. Понимаете – первый! И для нас, и для «экспериментаторов». Следовательно, существует очень много неясностей... По ряду критериев была выбрана именно Петровская эпоха. Задумано следующее: в самый разгар реформ, или даже – в самом их начале, Петр неожиданно погибает. Что происходит при этом с Россией как с государством? Какой путь развития выберет русская элита того времени? В каком состоянии Россия, в этом раскладе, подойдет к рубежу двадцатого века? Сохранится

ли как единое и великое государство или распадется – на десяток-другой мелких? Бесспорно, вопросы очень интересные...

– Действительно, интересные, – подтверждает Егор. Координатор хмурится:

– Не перебивайте сейчас меня, пожалуйста, господин Леонов! Мы подходим к вашему заданию, к вашей миссии – высокопарно выражаясь. С точки зрения моего руководства, такой «эксперимент» с Прошлым – абсолютно недопустим: его последствия могут быть непоправимы – как для государства Российского, так и для всей планеты в целом. Вся «капелька с микробами» может погибнуть, испариться, исчезнуть навсегда... Принято однозначное решение – «закрепить» за Петром Романовым опытного телохранителя из Настоящего.

– Есть многие тысячи телохранителей гораздо более опытных, чем я, – скромно докладывает Егор. – Я в этом деле, если совсем честно, полный дилетант. Так, по верхам нахватал всякого...

Координатор согласно кивает головой:

– Да, это так. Ваша профессиональная подготовка очень далека от истинного совершенства. Но все же некоторые навыки у вас есть, что очень хорошо. Да и задатки неплохого артиста у вас налицо, что, безусловно, важно... А вот со временем у нас все очень плохо, надо торопиться. Существуют такие термины, как «окна в Прошлое», «временные петли»... Впрочем, не стоит вас загружать такой специфической информацией. Тем более что и мы сами о многом только догадываемся... Дело осложняется тем, что напрямую послать «агента» в Прошлое невозможно. Можно только осуществить «подмену», «замену»... Причем «заменяемые» объекты должны непременно быть родственниками, обладать похожими генетическими характеристиками. Теперь – понимаете?

– То есть я отправляюсь в семнадцатый век – старательно охранять и оберегать царя Петра, а мой генетический пращур – сюда?

– Совершенно верно. Кстати, Александр Данилович Меньшиков – личность, бесспорно, неординарная. Мы и в наше время найдем для него достойное и серьезное занятие. Кроме всего прочего, о том, что «замена» пройдет успешно, говорит и следующий факт: вы со Светлейшим даже родились в один и тот же календарный день!⁴ Перенестись вам придется в июль 1687 года, за один день до знакомства настоящего Алексашки Меньшикова – с царем Петром. Вы, конечно же, сейчас немного старше (если так можно выразиться) вашего заменяемого пращура, но это ничего, выпьете соответствующую микстуру, скинете внешне года три-четыре...

– Стоп, стоп! – повышает голос Егор. – Я еще не давал своего согласия! С чего это вы взяли, что я всю свою оставшуюся жизнь хочу провести «в шкуре» Светлейшего? Тем более что я прекрасно знаю, чем Меньшиков закончил, знаю, как он умирал в ссылке! Читал когда-то в книжке Пикуля – про времена Анны Иоанновны кровавой, что очень обожала жирную буженину...

– Не кипятитесь вы так, молодой человек! – устало морщится Координатор. – Мы предлагаем вам заключить контракт всего-то на пять лет, самых спокойных лет в настоящей биографии вашего славного прапрапрадеда.

– Только на пять лет? А что же дальше будет с Петром?

– Вы не единственный прямой потомок Светлейшего подходящего возраста. Только все остальные пока – порядочные шалопаи, безо всяких полезных навыков...

За пять лет мы подготовим вам достойную замену, многократно превосходящую вас по всем профессиональным и функциональным возможностям. А может, и настоящего Меньшикова вернем на прежнее место, если это будет признано целесообразным. После соответствующей и вдумчивой подготовки, конечно же. Пять лет – очень даже большой срок, за это время

⁴ Дата рождения А. Д. Меньшикова точно не известна, существует несколько версий, ни одна из которых не признана однозначно достоверной.

можно воспитать настоящего Джеймса Бонда... Но столько ждать мы не можем. Время – очень странная и хрупкая штука. Надо начать данную операцию раньше наших «экспериментаторов» – в современном, сиюминутном понимании... Нельзя обогнать твоего противника в Прошлом, задействовав Будущее, которого, между нами говоря, может и не быть... Теперь по вам лично. Сейчас вам будет сделано предложение – финансовое, главным образом, от которого вы не сможете отказаться...

Откуда-то наползают клубы сиреневого тумана, заслоняя собой странный интерьер...

Новая картинка, помещение уже напоминает собой обычную библиотеку: бесконечные книжные полки, стеллажи, тяжелые темные шторы на окнах...

Координатор, скрестив руки на груди, вещает:

– «Перенос» будет осуществлен только через две с половиной недели. За это время вам придется ознакомиться с некоторыми материалами, – он властно машет рукой в сторону письменного стола, над столешницей которого возвышается целая бумажная гора, состоящая из толстых и тонких книг – в основном антикварного вида, современных скоросшивателей и кожаных старинных папок.

– Ничего себе! – расстраивается Егор. – Да мне этого и за полгода не прочесть!

– И за отведенное время справитесь! – строго заверяет его собеседник и пропадает – в низком розово-фиолетовом облаке...

До нужного времени остается одна минута. Егор, одетый только в узкие льняные штаны-ногoviцы – по моде конца семнадцатого века, сидит на старинном музейном табурете – посередине маленькой квадратной комнаты, скупо освещенной двумя желтыми электрическими лампами, которые регулярно мигают через каждые три секунды. За его спиной стоит кто-то невидимый – со шприцом наготове.

– Семь, шесть, пять, четыре... – неторопливо отсчитывает хриплый голос, свет окончательно гаснет, полная чернота заполняет собой все. – Четыре, три, два, один. Все – пора!

Нестерпимо острая боль в темечке, абсолютная тишина, только фиолетовый туман клубится вокруг...

Снова перед глазами возникает строгое лицо Координатора.

– А вы, любезный, неплохо прижились в Петровской эпохе за прошедшие одиннадцать лет!⁵ Женились – сугубо по любви, дети-близнецы – мальчик и девочка... Разбогатели, обросли друзьями, врагами, званиями и титулами. Да, даже завидую вам немного! Службу охранную наладили – первоклассную! Царя многократно спасали от лютой и верной смерти... Азовская кампания прошла – без единого сучка и задоринки! Фосфорные спички «изобрели»... А эта ваша шутка – с пэрским титулом? Да, слов нет, превосходно... А вот теперь – Северная война притаилась у самого порога! Справитесь? Ой ли? Осторожней будьте! Вот вам, любезный друг, мой скромный совет: не расслабляйтесь, мон шер, никогда! Будьте – бдительны... Ну а то, что вас через пять оговоренных лет не вернули назад, уж извините... Так получилось! Обычные технические трудности, так сказать, не более. Как принято говорить в современном мире: ничего личного...

Егор проснулся, жадно огляделся вокруг: все так же ярко светило солнце, только еще раздумывая двинуться к неровной линии горизонта, над стругами – высоко в безоблачном небе – пролетали громадные косяки гусей (или – лебедей?), гогоча прощально, загадочно и тоскливо...

– Да, все так и было, черт меня побери! И через пять лет, когда истек срок контракта, никто меня так и не вернул – в двадцать первый век. Действительно, наверное, произошла досадная техническая накладка...

⁵ События, произошедшие за эти годы, описаны в романе «Страж Государя».

Он сладко зевнул и вновь опустил голову на руки, сложенные на коленях, погружаясь в омут очередного сна...

Второй сон был уже явно из Настоящего.

Мрачное, плохо освещенное прямоугольное помещение, в меру заставленное грубой старинной мебелью темного дерева, бархатные лилово-фиолетовые шторы на невидимых окнах. Душно, явственно пахнет затхлостью и вечным забвением...

В комнате появляются неуклюжие серые фигуры, одетые в мешковатые балахоны, лица вошедших людей (существ?) скрыты высокими, остроконечными капюшонами.

«Они же – совсем не отбрасывают теней! – шустрой мышкой пробежала в голове испуганная мысль, за ней пришла вторая, немного странная: – Может, они и есть – только Тени? Злые Тени, добрые Тени, нейтрально-равнодушные?»

Неуклюжие серые фигуры, не толкаясь и не суетясь, рассаживаются на массивные черные табуреты, стоящие вокруг такого же приземистого и черного стола. В старинное кресло бордовой кожи, расположенное в торце стола – у самой стены, величественно опускается самая высокая серая Тень.

– Поговорим, братья! – величественно предлагает Главный. – Как вы думаете, может, нам все же стоит сменить тактику нашей священной борьбы? Если не получается убить Петра Романова, не правильней ли будет – плотно заняться его родственниками, друзьями, верными соратниками и сподвижниками? Ведь с мерзким Францем Лефортом получилось у нас совсем даже и неплохо...

– Высокородный мой господин, я полностью поддерживаю ваше мудрое предложение! – льстивым фальцетом заявляет слегка горбатая низенькая Тень, сидящая по правую руку от Главного. – Необходимо их всех – взять в оборот: сжечь, отравить, застрелить, запытать... В очередь первую – этого наглого и безродного Алексашку Меньшикова и его жену-раскрасавицу, деток их...

– А еще Бровкина Алешку – самозваного маркиза де Бровки, и Волкова Василия! – подсказывает кто-то слева, густым басом.

– Царевича Алексея! – следует очередная подсказка.

– Царевну Наталью!

– Федора Ромодановского, князя-кесаря!

– Брюса Яшку, алхимика богопротивного...

– С Яковом-то – мы разберемся по-другому! – гадостно усмехается Главный...

Окончательно его разбудил громкий и нетерпеливый голос:

– Алексашка, мать твою! Кончай дрыхнуть, исчадие ада! Сюда, мерзавец, иди: о будущем думать будем, планировать все – с немалым усердием...

Егор усиленно потряс головой, неуверенно встал на ноги, осторожно, боясь выпасть, перегнулся через низкий борт струга, щедро поплескал на лицо прохладной речной воды, наскоро отерся рукавом камзола, оглянулся.

Петр аккуратно и тщательно разложил на наспех сколоченном дощатом столе-стеллаже различные карты и планы, властно поманил его к себе:

– Ну, Алексашка, то бишь – Александр Данилович, давай разрабатывать план будущей войны... Как же обозвать-то ее?

– Предлагаю Северной войной назвать это мероприятие! – не раздумывая ни минуты, предложил Егор. – А что такого? – недовольно обернулся на захихикавшего Автонома Головина. – Хорошее, на мой взгляд, название, благородное.

– На раз возьмем шведа! – нагло и бездумно заявил Головин. – Мы их...

Егор, неторопливо подойдя к самодельному столу, даже замахнулся на Автонома:

– Ты, бездельник, думай, о чем говоришь! Зачем нам всякие позорные конфузии? А? Тут дельный план нужен сразу лет на десять—двенадцать. Первый этап – на лет пять-шесть... Чтобы – стопой железной – встать на Балтийском побережье!

– Молодец, Алексашка! – горячо поддержал его царь. – Жги! Языками трепать – все большие мастера. А вот простой разумности – и за целый год не дождешься от них...

– Тихой сапой строим просторные склады, хорошие дороги... По весне штурмуем шведскую крепость Ниеншанц, забираем, тщательно укрепляем, часть пушек переносим на Заячий остров, – старательно объяснял Егор. – Потом ждем до осени: крепость Нотебург без поддержки продовольственной и сама сдастся. На очереди – Иван-город, Нарва, Мариенбург, Рига, Ревель... Да и Курляндию надо забирать – под русскую руку! Главное, без спешки, шаг за шагом...

– Действительно, а чего нам торопиться? – покладисто соглашался Петр. – Годом раньше, годом позже... Спешка, она хороша – только когда блох ловишь или там – клопов давишь настенных.

Когда до Воронежа (реки, а следовательно и города) оставалось всего ничего – полдня пути, навстречу стругам попалась новехонькая бокастая каторга под светло-бежевым косым парусом, на носу которой стоял взволнованно машущий рукой Василий Волков – бессменный Егоров заместитель по делам охранным.

– Табань! – уверенно и громко скомандовал Егор гребцам, понимая, что случилось что-то явно неординарное и плохое, раз Василий, которому велено было безотлучно надзирать за царевичем Алексеем, покинул Москву.

Суда поравнялись.

– Докладывай! – велел Егор.

– Генерал Лефорт – скончался! – объявил Волков.

– От простуды?

– Никак нет! Застрелили! Из груди достали три пули.⁶ Все – шведские...

– Что?! – взревел Петр. – Мать его! Дьяка ко мне – с бумагой, перьями и чернилами! Чердынцев? Указ пиши! Война! С весны – начинаем решительный штурм Нарвы! Молчать всем! С весны, я сказал...

– Мин херц! – выждав несколько минут, вкрадчиво обратился к царю Егор. – А кто, собственно, сказал, что пули – именно шведские? На них что, написано про это? Как бы дел не наворотить горячих да поспешных...

– Волков, живо ко мне! – распорядился Петр. – Василий, ну-ка, поведай нам – что там с этими пулями? Какой умник определил их настоящее место рождения?

Может, дурь обычная? Или, того хуже, заумное предательство? Так кто же у нас так соскучился по дыбе и плахе?

– Саксонский посол Кенигсек, государь, поведал о происхождении пуль! – сильно побледнев, доложил Волков. – Он как раз приехал с визитом к генералу Лефорту, не зная еще, что представился уже герр Франц. Осмотрел внимательно Кенигсек пули, что доктор Карл Жабо вынул из груди покойного, и говорит, мол: «В Швеции есть небольшой город, который называется Керуна. А рядом с ним имеется большая и высокая гора из разных рудных металлов. Вот шведы из тех руд и льют свои пули. Они получаются очень приметными – более светлыми, чем немецкие или бельгийские, к примеру». Мы пули, которые доктор извлек у генерала из мертвой груди, сравнили с нашими обычными, пистолетными. Все точно, государь: грудные – гораздо светлее обычных! Тогда князь-кесарь Ромодановский мне и велел строго, мол: «Доложи Петру Алексеевичу, что именно шведскими пулями застрелили славного генерала Лефорта!» Я и доложил...

⁶ Авторский вымысел, по-настоящему Франц Лефорт скончался от пневмонии.

– Мин херц, давай не будем торопиться! – неуверенно предложил Егор. – Вернемся на Москву, перепроверим все...

– Молчи, гнида трусливая! – ласково попросил царь и от души заехал Егору в ухо, после чего пристально всмотрелся в правый (по ходу течения) речной берег: – Что там за палаточный лагерь? Временная стоянка драгунского полка? Немедленно пристаем! Сейчас я шведскому Карлу письмо напишу – об объявлении войны...

«История – дама очень упрямая! Не хочет она изменяться, сопротивляется – изо всех своих сил! – известил, мерзко ухмыляясь, нетактичный внутренний голос. – Столько ты, братец, положил усилий, чтобы отсрочить на год-другой начало Северной войны? А ничего и не получилось! Ну, что скажешь в ответ?» – А что тут можно сказать? – растерянно пробормотал себе под нос Егор. – Похоже, что и в этот раз История победила. Теперь вот – воевать придется, однако... Хотя иногда и нам удастся потеснить тетюшку Историю с позиций ею занимаемых!⁷ Тот же царевич Алексей, к примеру. Вовремя отняли мальчика от попов и родственников жадных, воспитанием занялись – совместными усилиями, теперь вот отличный мальчишка растет: умный, любознательный, добрый. И на своего отца неординарного влияет насквозь положительно. Помягчел за последние два года Петр Алексеевич сердцем своим, человечнее стал, даже человеколюбивее – не побоюсь этого красивого слова... А та же Служба сестер милосердных, которую организовала Санька моя – на века раньше отведенного на то срока? Это что, мало? Так что и мы свои щи хлебаем не лаптем рваным, заплесневелым...

⁷ Егор вспоминает о событиях, описанных в романе «Страж Государя».

Глава вторая

Тревожные будни

За каретными окошками чуть засерело, приближался рассвет, следовательно, Москва была уже совсем близко. Рядом громко и нервно похрапывал Петр, с кожаного сиденья, расположенного напротив, на Егора испуганно таращился подполковник Волков – его ближайший соратник и личный друг. Друг – насколько подчиненный может быть другом непосредственному и всемогущему начальнику.

– Приснилось что-то плохое, Александр Данилович? – тихим шепотом поинтересовался Василий. – Стонали вы сильно, вона, за пистолет даже схватились...

Егор с трудом разомкнул занемевшие пальцы, крепко охватившие рукоятку французского изящного пистолета (прощальный подарок любезного Медзоморт-паши, всемогущего советника турецкого Небеснородного султана), сильно потряс кистью руки, восстанавливая нарушенное кровообращение, успокаивающе подмигнул Волкову, проговорил – самым обычным голосом:

– Ерунда, подполковник, прорвемся! Можешь, кстати, и не шептать, сейчас Петра Алексеевича и из пушек шведских не разбудишь...

После полученного известия о смерти Лефорта царь повел себе абсолютно непредсказуемо и непривычно. А именно: не забился в страшных конвульсиях и судорогах, да и гневался-то, брызгая слюной, всего минуты три-четыре, после чего неожиданно сделался холодноспокоен и деловит, велел срочно пристать к речному берегу, где во временном лагере драгунского полка, пребывающего в этих местах на плановых полевых маневрах, горели яркие костры.

Первым делом Петр продиктовал думному дьяку Чердынцеву текст письма к шведскому королю Карлу Двенадцатому, в котором извещал о незамедлительном разрыве последнего, действующего на тот момент мирного договора и о начале полномасштабных военных действий.⁸ Текст послания был выдержан в достаточно вежливой форме, только уже в самом конце диктовки Петр, очевидно сорвавшись на краткий миг, поименовал шведского государя – «зловным псом скандинавским, алчущим крови русской, мирной...».

После этого, убедившись, что гонец – в сопровождении двух десятков драгун – отбыл в нужном направлении, к границам с Ливонией, находившейся под шведским протекторатом, царь велел срочно подготовить себе «рабочее место» возле одного из дальних костров: – Доски какие-нибудь ровные положите на толстые березовые чурбаки, да гвоздями приколотите крепко! Бумаги, перьев и чернил – тащите побольше! Два раскладных стула всего? Барабан тогда добавьте полковой, вот и хватит – на троих! Со мной остаются Автоном Головин и дьяк Чердынцев. Все остальные – осторожные и миролюбивые чрезмерно, – гневно покосился на Егора, – пусть скромно, рта не раскрывая, постоят в сторонке...

За последующие шесть с половиной часов эта славная тройца родила – совместными усилиями – на белый свет более десяти различных Указов: о выделении финансов на предстоящую весеннюю военную кампанию, о формировании новых тридцати полков – пеших и конных, о срочной закупке в странах европейских дополнительного оружия и боеприпасов, о формировании ополчения дворянского...

Дополнительно к этим Указам были написаны и пространные письма: в Варшаву, Кенигсберг, Копенгаген и Осло, где сообщалось о безоговорочном присоединении России к

⁸ Военные действия против Швеции по-настоящему начались только в августе—сентябре 1700 года.

Северной антишведской коалиции, высказывались настойчивые пожелания – получить в кратчайшие сроки, в соответствии с ранее достигнутыми договоренностями, обещанную финансовую и военную помощь.

– Полковника драгунского незамедлительно позвать ко мне! – одобрительно похлопав по плечу уставшего Чердынцева, велел Петр. – Как тебя – Иван Зарубин? Вот что, друг Ванюша. Доставь, только очень срочно, все эти важные бумаги, – небрежно указал перстом на самодельный стол, – в Москву, князю-кесарю Федору Юрьевичу Ромодановскому – лично в руки. Выполняй, братец мой, выполняй! Время нынче – зело дорого!

Царь резко потряс головой, устало провел ладонью по измятому и осунувшемуся лицу, негромко позвал – неверным и жалобным голосом:

– Алексашка, ты где, сучий потрох? Подойди ко мне, охранитель! – крепко приобнял за плечи, извинительно заглянул в глаза, попросил негромко: – Давай, организуй выпить чего-нибудь. Помянем – на скорую руку – нашего покойного друга Франца Лефорта, да и поплывем дальше...

Последующие шесть суток Петр пребывал в полностью бессознательном состоянии: быстро напивался, почти не закусывая, после чего успешно засыпал, просыпался, снова крепко выпивал, просыпался – выпивал – засыпал...

Василий жалостливо посмотрел на беспрерывно храпящего царя, вздохнул:

– Это у него так, наверное, нервная реакция проявляется – на смерть герра Франца. Такой безжалостный удар...

– Да уж, удар сильнейший! – согласился Егор и строго велел: – Ладно, хватит на сегодня слюнявой лирики, переходим к серьезному делу! Пусть Алешка Бровкин сегодня ни на шаг не отходит от Петра Алексеевича, охрану царевича Алексея и царевны Натальи распорядится удвоить, а еще лучше – утроить. Князю-кесарю надо обязательно шепнуть на ухо – чтобы тоже берегся. А ты, друг Вася, будь со мной рядом. Еще раз расскажешь подробно: как и что было, посоветуемся, что делать дальше... Кто, кстати, занимается похоронами Лефорта?

– Лев Кириллович – дядя царский, старый князь Борис Голицын да Александра Ивановна, супруга ваша.

– Ну-ну... У герра Франца кто в последнее время ходил в лекарях?

– Карл Жабо, как вы и велели.

– Вот и он пусть подойдет ко мне.

– Да, Александр Данилович! – напоследок вспомнил Волков. – После герра Франца бумаг разных осталось очень много. А одна толстая папка – лично для вас...

К дому Лефорта царская карета подъехала, когда московские колокола уже давно отзвонили к молитве заутренней.

У приметных генеральских ворот покорно застыли, несмотря на раннее утреннее время, несколько шикарных карет, за воротами часто мелькали разноцветные перья, украшающие модные мужские и дамские шляпы.

– Разгони их всех, охранитель! – хмуро попросил Петр. – Хочу с генералом Францем попрощаться без глаз лишних! – Повернувшись к окошку кареты, уточнил: – Вижу лошадок знакомых! Александра-то твоя пусть останется, она же – из наших будет, да и фрау Лефорт также. А остальным всем – вон, не обращая внимания на высокие чины и прошлые заслуги...

Через незапертую калитку в правой створке кованых высоких ворот Егор вошел внутрь двора, приветливо кивнул двум усатым сержантам-преображенцам, тут же вытянувшимся в струнку и отсалютовавшим немецкими ружьями своему полковому командиру, торопясь, взбежал вверх по каменным широким ступеням.

Пройдя внутрь дома через длинные и просторные сени, он отвесил вежливый общий поклон – в сторону кучки знакомых знатных персон, коротко и нежно улыбнулся своей жене

Саньке – безумно красивой даже в траурном темном платье, отдельно, очень низко поклонился супруге покойного генерала.

В парадном зале на высоком постаменте, покрытом черной шелковой материей, стоял черный же гроб, над которым, клубясь, поднимался вверх странный голубоватый парок. Рядом с гробом и помостом почтительно замерли восемь офицеров разных полков, со вскинутыми – на правые плечи – обнаженными шпагами.

– Мы тело генерала всю ночь держим в погребном леднике, – взволнованным голосом тихо пояснила Санька, указывая кивком головы на голубой пар. – Каждое утро выставляем на помост – только до обеда, потом опять убираем в ледник. Нельзя иначе. Не велел князь-кесарь Ромодановский хоронить герра Франца до приезда Петра Алексеевича...

Егор, крепко и бережно держа свою жену за руку, коротко и вежливо оповестил всех присутствующих о желании царя – попрощаться с покойным, что называется, в тесном «семейном кругу».

Знатные господа и дамы, включая восьмерых офицеров, понятиливо закивали головами и тут же, предупредительно пропуская друг друга вперед, дружно устремились к выходу. Только прекрасная и надменная Анхен Монс, которую бережно поддерживал под локоток саксонский посол Кенигсек, одетый во все темно-коричневое и неброское, небрежно и слегка слащаво произнесла:

– Надеюсь, Александр Данилович, ко мне не относится этот приказ? Не так ли? Вы же в курсе наших особых отношений с государем?

Егор, с видимой неохотой отпустив Санькину горячую ладонь, вплотную подошел к Анхен и тихонько прошептал – так, чтобы Кенигсек ничего не смог разобрать:

– Уезжайте, милая Анна Ивановна! Не то сейчас время, совсем – не то... И тонконогий кавалер ваш – во многом виной этому! Понимаете меня, надеюсь?

Анхен вздрогнула, сильно побледнела и, резко развернувшись, неторопливо пошла к выходу, увлекая за собой любезного саксонского посланника.

Минут через пятнадцать—семнадцать в зал, чуть сгорбившись, вошел Петр, за ним, отстав метров на пять-шесть, следовал Алешка Бровкин, одетый, как и полагается новоявленному официальному маркизу,⁹ во всем небесном великолепии. Егор краем глаза заметил, как у Саньки, видевшей своего родного брата в таком одеянии первый раз, удивленно взмыли вверх густые соболю брови.

«А нервы-то у супруги твоей – просто канаты железные! Чрезмерно даже крепкие!» – неодобрительно заметил внутренний голос.

Петр ласково приобнял за хрупкие плечи вдову умершего генерала, пошептал ей в ухо что-то ласковое и ободряющее, отстранился, нерешительно – очень мелкими шагами, обреченно втянув голову в плечи, он взошел на помост, подошел к гробу, испуганно и вопрошающе посмотрел в лицо покойному.

– Жалко-то как! – неожиданно выдохнула Санька, уткнувшись своим носом-кнопкой в грудь Егора. – И Лефорта, и государя...

Царь долго стоял у гроба, непрестанно водя – круговыми движениями – ладонью по левой половине своей груди. Наконец, нагнулся, по очереди поцеловал лоб, губы и руки мертвого Лефорта. Еще через мгновение плечи Петра мелко-мелко задрожали, слышались приглушенные и тоненькие всхлипы...

Санька, словно бы стараясь хоть чем-нибудь поддержать царя в его горе, громко, совершенно по-бабьи зарыдала, некрасиво размазывая кулачками крупные слезы – по своему прекрасному и нежному лицу...

⁹ События, приведшие к присвоению Алешке Бровкину титула маркиза, описаны в романе «Страж Государя».

«Кто там долдонил об избыточной черствости супруги моей? Получил, братец, ответ достойный?» – ехидно поинтересовался у внутреннего голоса Егор.

Вскоре Петр перестал плакать, опустил перед гробом на колени, стал что-то неразборчиво бормотать себе под нос, словно бы разговаривая о чем-то с покойником, словно прося у него важного и мудрого совета...

Егор, знавший дом Лефорта как свои пять пальцев, нежно приобняв все еще рыдающую Саньку за тонкую талию, тихонько проскользнул в неприметную боковую арку, прошел метров двенадцать по низенькому коридору, свернул направо во второй, по короткой лестнице спустился вниз, негромко, особым образом постучался в самую обыкновенную темно-коричневую дверь. Послышались громкие щелчки ключа в тугом замке, тоненько и тревожно проскрипели дверные петли, голос Василия Волкова предупредительно и вежливо пригласил:

– Заходите, Александр Данилович! Мсье Жабо уже здесь... Ой, Александра Ивановна, матушка, вам же умыться надо!

Это большое помещение (площадью порядка семидесяти пяти квадратных метров) выполняло множество самых различных функций, являясь одновременно: ванной комнатой, цирюльней, гардеробной, мини-библиотекой и рабочим кабинетом. Здесь Лефорт, когда проживал в Москве, имел обыкновение проводить каждое утро по три-четыре часа: совершал водные процедуры, чистил зубы, стригся-брился, накладывал на лицо и руки целебные и лекарственные крема, примерял парики и различную верхнюю одежду, читал полученную корреспонденцию, писал ответные письма, перечитывал любимые книги – в основном труды греческих философов и истории славных древних битв и военных кампаний.

– Саня, пройди вон за ту цветастую китайскую ширму! – посоветовал Егор. – Там и воду найдешь, а также полотенца, разные крема, пудру... Здравствуйте, уважаемый месье Жабо! – слегка улыбнувшись, поздоровался он с доктором-французом. – Подполковник Волков мне уже доложил, с ваших же слов, о некоторых деталях этого скорбного происшествия. Но я хотел бы услышать обо всем и от вас лично, задать несколько вопросов. Давайте, любезный, начинайте! И постарайтесь быть максимально подробным.

Карл Жабо, низенький и толстощекий француз, улыбочивый, в рыжем лохматом парике, чем-то неуловимо похожий на мультяшного Карлсона (ну, того самого что живет на крыше славного шведского города Стокгольма), неожиданно замялся:

– Извините! Но я теперь даже и не знаю: как величать вас? В связи с недавним Указом царя Питера...

– Называйте меня по-прежнему – Александром Даниловичем!

– Хорошо, Александр Данилович. Вы тогда отъехали в Воронеж и далее. Я же стал усиленно наблюдать за драгоценным здоровьем господина Лефорта. Хорошо наблюдать, старательно! Вы же предупреждали, что у генерала слабые легкие... Я следил – в меру своих скудных сил. Советовал господину Лефорту беречься сквозняков. Одеваться только в теплую одежду. Не уследил, извините...

– Продолжайте, Жабо, продолжайте! – покровительственно подмигнул француз Егор. – Я вас пока ни в чем не обвиняю.

– Герр Лефорт все же заболел. У него началась грудная горячка – в очень нехорошей форме. Я его лечил. Давал таблетки, микстуры, ставил спиртовые банки. Сперва дела уверенно пошли на поправку. Потом началось новое осложнение...

– Генерал мог выздороветь?

После двухминутного раздумья француз честно – как показалось Егору – ответил:

– Три шанса из пяти возможных, что герр Лефорт скончался бы. От полной закупорки легких. Извините, господин генерал-майор, точнее сказать не могу...

– Расскажите подробно о той ночи, когда герр Лефорт... э-э, скончался.

– Мы нашли его тело ранним утром. На балконе, выходящем в сад. В одной ночной рубашке. С тремя пулями в груди. Пропала сиделка, которая оставалась с ним на ночь. Ее так и не нашли.

– Кто она такая, откуда взялась? – нахмурился Егор.

– Обычная женщина, пожилая уже. Очень спокойная, добрая и внимательная. Из старой стрелецкой слободы...

«Только стрелецкой слободы нам и не хватало – для полного и безграничного счастья! – искренне ужаснулся внутренний голос. – Если царь узнает об этом, ничего еще и не значащем факте, то все – кранты всем уцелевшим стрельцам, да и женам их – вместе с малыми детками! Не, это дело мы замнем пока...»

Егор сразу же увел разговор в сторону:

– Почему никто не слышал выстрелов?

– Гроза была очень сильная, – француз извинительно развел руки в стороны. – Осенняя русская гроза. Гром гремел совсем без остановок... Странно только, что было сделано целых три выстрела. И очень похоже, что все три – из одного и того же пистолета. Зачем? Герр Франц был уже полностью мертв – после первого же выстрела в сердце. Да и на балкон, похоже, его вынесли уже оглушенного. То есть это я так думаю...

Василий Волков несколько раз громко и многозначительно кашлянул.

Скупно поблагодарив, Егор вежливо выпроводил мсье Жабо за дверь, пообещав, что пообщается с ним более подробно через недельку-другую, когда немного разберется с текущими делами.

Из-за дальней ширмы появилась Санька – тщательно причесанная, припудренная, безумно красивая, чуть нервно и виновато улыбающаяся. Подошла к Егору, мимолетно поцеловала в губы, ласково провела ладонью по его небритой щеке, тихонько отошла в сторону, села в изящное кожаное кресло, взяла с низкой книжной полки толстый том в бархатном переплете, положила себе на колени, раскрыла и погрузилась в чтение, демонстративно заткнув уши своими тоненькими пальчиками, униженными драгоценными перстнями, мол, секретничайте господа, спокойно, не обращайтесь на меня никакого внимания!

Егор с трудом оторвал взгляд от любимой жены, с которой он не виделся почти три с половиной месяца, подмигнул Волкову:

– Чего кашлял-то, Васенька? Докладывай!

– Дык это, Александр Данилович! Складывается все! Было три выстрела в упор: первая пуля попала в сердце, но наш стрелок не убежал, наоборот, он, никуда не торопясь, перезарядил пистолет, выстрелил второй раз, снова перезарядил... Времени-то на все сколько требуется! Минут пять-шесть, если не больше! Что следует из этого?

– Ну, и что следует? – вопросительно усмехнулся Егор.

– А то, что убийца был наемником! Ему заплатили – за три выстрела в сердце, он заказ и отработал полностью, чтобы не потерять в деньгах... Я прав, господин генерал-майор?

– Допустим, что и прав. Только что из того?

– Как это что? – не на шутку разволновался Волков. – Стрелец – наемник, его жена – сиделка! Сходится все!

– Дальше-то что?

– Дык розыск требуется учинить – во всех стрелецких слободах! Жесткий такой розыск! Подключить надежных и толковых наших сотрудников, у князя-кесаря еще взять его людишек, если своих будет не хватать...

– В кого ты уродился таким кровожадным, Вася? – широко и лениво зевнул Егор.

– О чем это вы толкуете, Александр Данилович? Не понимаю, честное слово!

– Да о том самом: исполнителей в таких делах – самих тут же и убивают! Даже если ты и прав, то лежат эти стрелец со стрельчихой где-нибудь в самом глубоком омуте нашей Москвы-реки, если их сомы еще не доели.

Сомы-то в Москве водятся знатные, говорят, что вырастают до десяти—двенадцати пудов... О чем это я? Да о том, что розыск твой абсолютно ничего не даст. А крови-то будет! Вода все в той же Москве-реке покраснеет – до самой Волги-матушки... Не, если ты хочешь чуток выслужиться перед Петром Алексеевичем, получить звание новое, ефимок мешок, деревеньку-другую, то, как говорится, милости просим, со всем нашим пониманием...

– Александр Данилович, извини! – взмолился Волков. – Это я не подумавши ляпнул. Черт попутал, прости уж дурака!

– Думай в следующий раз, прежде чем трепать языком! – по-доброму посоветовал Егор и спросил уже другим, гораздо более мягким и сердечным тоном: – А ты, часом, не приболел ли? На лицо похудел очень, глаза вот блестят – словно льдинки осенние, ранние да тревожные... Или во всем виноваты дела сердечные?

– Они самые! – засмутился Василий и чуть заметно покосился на Саньку, продолжавшую усердно почитать свою толстенную книгу: – Александра Ивановна вам потом расскажет об этом неожиданном амуре, а то мне самому как-то и неудобно...

Покончив с этими философскими отступлениями, они снова перешли к основным делам.

– Возле всех городских домов, где живут посланники иноземные, с завтрашнего утра необходимо выставить усиленные тайные посты – из людей наших, самых надежных и проверенных! – распорядился Егор, подумав немного, поправился: – Турецкого посла, впрочем, это не касается. Задача у постов наипростейшая – перехватывать всю почту, которая предназначена для послов и советников...

– Как это – перехватывать?

– А вместе с гонцами и посыльными! Благо их по одежке распознавать очень легко. Взяли незаметно, без всякого шума, посадили в возок, отвезли ко мне – в распоряжение Преображенского полка. Ясна задача? Уточняю, сейчас меня интересует только почта входящая, где может содержаться реакция некоторых европейских дворов на смерть генерала Лефорта. Сколько времени прошло с того скорбного дня: две с половиной недели? Ну вот, пора уже ждать и ответной реакции. Не, Вася,ставляй посты уже с сегодняшнего вечера, чтобы случайно не пропустить всякого любопытного! И, главное, ничего не бойся, я лично отвечаю за все! Да, где документы покойного генерала, про которые ты говорил в карете, когда уже подъезжали к Москве? Которые герр Франц оставил лично для меня?

– Вот, Александр Данилович! – Василий ловко достал с полки высокого стеллажа толстую папку-портфель темно-бордовой кожи, с позолоченными застежками. На обложке папки был приклеен небольшой бумажный прямоугольник, на котором рукой покойного Лефорта было начертано по-немецки: «Передать после моей смерти генерал-майору Меньшикову Александру!»

– Надеюсь, изучил содержимое? – спросил Егор у Волкова.

– Конечно, как инструкции велят – на такой серьезный и экстренный случай.

– Ну и что там?

– Докладные секретные записки от личных агентов генерала Лефорта. Оказывается, он уже давно и тайно отправил многих людей – в Ливонию, Курляндию, в разные шведские крепости. В этом портфеле – все о неприятельских войсках, что располагаются на прибалтийских землях.

– Надо же, какой замечательный подарок! – искренне восхитился Егор. – Ай да герр Лефорт! И после смерти своей продолжает помогать нам! Ай да молодец!

Через пять-шесть минут в дверь приметно и настойчиво постучали, извещая, что пора на выход: царь уже попрощался со своим верным мертвым сподвижником и теперь желает видеть сподвижников живых...

Петр ласково поцеловал Саньку в ее скромный льняной пробор, нежно потрепал по бледной щеке, поблагодарил душевно:

– Спасибо тебе, главная сестра милосердная, за все – спасибо! И за помощь делом, и за помощь плачем. Век не забуду! – стремительно обернулся к Егору: – Что, охранитель, начал вынюхивать потихоньку подробности этого злого дела? Вынюхивай, коль тебе хочется, не запрещаю. Только уж не старайся сверх меры. Ничего это уже не изменит: поперхнутся шведы своей холодной кровью, уж я обещаю! Месть – она только кровью врага, разорванного на части, сладка! Ладно, похороны моего старого и надежного друга Франца состоятся через двое суток, там и встретимся. Почему только через двое суток? Да вот хочу, чтобы эти похороны были пышными, с пушечной стрельбой да воинским парадом. Чтоб комар носа не подточил! Поэтому и без спешки все будем делать... Ладно, отдыхайте пока, нежьтесь до полной улады!

Когда уже в карете – с плотно зашторенными окошками – они ехали от дома Лефортова к себе домой, Санька – в кратком перерыве между жаркими затяжными поцелуями – тихонько и благодарно шепнула:

– Молодец ты у меня, Саша! Стольких людей сегодня избавил от лютой смерти! Это я про стрельцов и семьи их...

– Подслушивала, значит, радость моя? – притворно рассердился Егор.

– А как же без этого? Должна же я быть в курсе всех дел своего любимого муженька...

Дома тоже все было просто замечательно: близняшки уже вовсю ходили, держась за стенки и мебель, смешно лепетали что-то свое, ласково и доверчиво вешались на крепкую отцовскую шею, широко улыбались – радовались встрече.

У сына Петьки были огромные ярко-синие глаза, маленький курносый нос и густые, белесые – почти платиновые – волосы.

«В мать уродился!» – радостно отметил про себя Егор.

А вот дочка Катенька откровенно пошла в его породу: волосы обычные, темно-русые, глаза светло-голубые, нос прямой и слегка удлинённый.

Долгая безумная ночь, наполненная – без конца и края – сплетением любящих друг друга молодых тел, тихие стоны, страстный шепот, новые и новые взаимные клятвы в безграничной и вечной любви...

– Саша! – тихонько позвала его жена в одну из редких минут заслуженного отдыха. – А когда мы поедем в нашу Александровку? Ты же мне обещал! Там сейчас очень хорошо: уже антоновка созрела, крупные яблоки падают – всю ночь напролет. Тук... тук... тук... Как бы я тебя там любила – всю ночь напролет, под стук этот...

Егор тихонько коснулся губами горячего женского плеча, тут же податливо вздрогнувшего под этим поцелуем, усмехнулся невесело:

– Ты же знаешь, родная, что творится сейчас! Война стоит на пороге! И у меня куча дел: надо окончательно разобраться с убийством нашего герра Франца, охранную Службу требуется срочно укрепить и перестроить. Да и тебе никуда нельзя отлучаться из Москвы: не забыла, часом, кто у нас царским Указом назначен главной милосердной сестрой, да и действующим членом Высшего Государственного совета – на случай военных действий? Сама же придумала эту сестринскую Службу – перед Азовским походом, вот теперь, дорогая, и отдувайся.

– Помню я все, любимый, помню! – тяжело вздохнула Санька. – Это же я просто так, похныкать захотелось немного... А дел, и правда, очень много: у меня в Службе – уже двести двадцать сотрудниц, все обученные хорошо, раны умеют перевязывать, многое другое. Сейчас вот нам изготавливают особые повозки, из Европы прибыл очень важный груз с медицинским инструментом: специальные, очень острые ножи, зажимы для ран, сухожильные нитки, пилы

– для ног и рук... Ладно, утром поговорим о делах, а сейчас – поцелуй меня покрепче еще раз... Раз двести – я имела в виду...

Не пришлось утром поговорить о делах, даже позавтракать Егор толком не успел: громко топая сапогами, в сени вбежал его личный денщик Митька – совсем еще молоденький парнишка из воронежских крестьян, взволнованно доложил, протягивая квадратный коричневый пакет:

– Александр Данилович! Это привез посыльный из Преображенского полка, на словах велел передать, что очень ждут вас там.

В кратком письме Василий Волков сообщал, что уже перехвачены и доставлены в расположение Преображенского полка два гонца – с экстренной почтой для саксонского и датского послов. Причем почты было очень много, а задержанные гонцы сильно бузили и требовали незамедлительной встречи со своими посланниками. Да и офицеры полка не выказывали никакого восторга по поводу появления на территории полка неизвестных штатских лиц.

– Эх, забывчивым я становлюсь, старею, наверное! – расстроено и нервно пожал плечами Егор. – В полк я и забыл сообщить, что к ним доставят арестованных...

Вообще-то, не стоило вмешивать Преображенский полк в эти непростые и откровенно мутные игрища, а отвезти пленников в помещения Службы охранной, да больно уж неудобно базировалась эта Служба – всего в ста тридцати метрах от Преображенского дворца. Егор четко понимал, что если Петр узнает об этой его самодеятельности – с захватом почты иностранных посланников, то разгневется не на шутку, не исключая и самых печальных последствий... Солдатский полк – с точки зрения конспирации – тоже место далеко не идеальное. Пойдет солдат в кабак, остаканится, и ну болтать, вот и пошла гулять молва. Да ничего, за двое-трое суток должны были управиться, так что молвой можно было и пренебречь...

А еще он так же железобетонно знал и другое: необходимо было сделать все возможное и невозможное, чтобы намеченный на весну скоропалительный штурм Нарвской крепости не состоялся.¹⁰ Не готова еще была молодая армия российская к таким серьезным воинским авантюрам. Зачем же все эти бесполезные усилия, которые наверняка завершатся бесславным поражением и неисчислимыми человеческими потерями?

Был еще нехилый шанс переломить ситуацию на корню, был! И этим шансом грех было не воспользоваться...

Егор привычно облачился в свой армейский мундир, прицепил на бок шпагу с золотой ручкой – царский подарок на свадьбу, велел заложить карету.

– Саша, а как же завтрак? – опечалилась жена. – Там кухарка напекла сырников, блинчиков наготовила с разными начинками: с грудками рябчиков, с грибами жареными, с налимьей печенью маринованной... Давай я тебе узелок маленький соберу с собой?

– Не стоит, мое сердечко! – легкомысленно улыбнулся Егор. – Я в полку поем. Солдатские щи и кулеш – тоже пища знатная. Да, кстати! – вспомнил неожиданно: – А что там Вася Волков вчера толковал – про амура неожиданного, что посетил его? Это не к тебе ли, молодуха, он воспылал страстью нежной?

– Что ж говоришь-то такое? И как не стыдно тебе, охальнику!

– А что? – лукаво и довольно улыбнулся Егор. – Ты же, Меньшикова Александра Ивановна, самая красивая женщина на Москве! Разве не так?

– Ну не знаю, право...

¹⁰ Егор знает из сведений, почерпнутых им в 21 веке, что первый штурм русскими войсками Нарвской крепости «должен» закончиться их полным поражением. Поэтому он планирует сделать все возможное, чтобы штурм Нарвы был отложен на несколько лет, до более благоприятного момента.

– Так, так! Самая – стройная, красивая, длинноногая, страстная... Что же странного, что и Васька влюбился в тебя по самые уши?

– Да ну тебя, шутника! – мягко улыбнувшись, польщенно покраснела Санька. – Мало ли на Москве других красавиц? А Васино сердце царевна Наталья украла, сестренка царская, а Васька, в свою очередь, ее сердечко девичье своровал...

Егор сразу стал очень серьезным. На Руси царевны всегда являлись особой кастой: иногда их выдавали замуж – за иностранных принцев, королей и герцогов, но русскому человеку, сколь богат и знатен он ни был бы, даже подумать плотски о дочери или сестре царской было смертельно опасно для жизни. А если серьезное чего намечалось, так и буйной головы можно было запросто лишиться. Были, знаете ли, прецеденты... Вслух он только выдохнул расстроенно, от души:

– Да уж, обрадовала ты меня, женушка любимая, обрадовала! Только этого нам и не хватало сейчас – для полноты ощущений...

– Да я все понимаю, Саша! – нахмурилась и загрустила Санька. – Но неужели ничего нельзя сделать? Надо же как-то помочь ребятам! А, Саша? Тем более что и ты сам отчасти виноват – в этом амуре...

– Как это – я виноват?

– Да вот так! Кто велел подполковнику Волкову регулярно наезжать во дворец Преображенский и усердно заниматься с царевичем Алексеем этим вашим «карате»? Ты и велел! Василий и ездил – честно занимался, Наталья – воспитательница царевича, наблюдала за этими занятиями, как ей и положено по ее обязанностям. Вот и приключился – вдруг и незаметно так – амур этот, нечаянный... Ты, Саша, только не торопись, подумай! Вдруг да и придумаешь чего...

Он только печально покачал головой:

– Всего два варианта есть у Василия и Натальи, не считая третьего: дыбы и плахи для подполковника и черного клобука монастырского для царевны. Первый реальный вариант – тайно обвенчаться да и сбежать от царского гнева – в страны европейские...

– А второй?

– Победить Карла Двенадцатого, прогнать шведов из Прибалтийских стран. После чего и страны эти забрать под русскую руку, под протекторат – научно выражаясь. Раз шведам этот протекторат не возбраняется, знать, и нам – возможно. Если Василий лично, возглавляя воинскую часть, возьмет на свою шпагу город Митаву, то есть у него и все шансы, чтобы стать Великим герцогом Курляндским... Можно будет, при должном старании, четко оформить данное мероприятие, закрепить документально. Тогда уже и мезальянса не будет: Курляндский герцог – вполне достойный жених – для русской царевны...

– Отлично все ты придумал, любимый! – как маленькая девочка, звонко хлопая в ладоши, запрыгала на одном месте Санька. – Вот и сладится все...

Целуя жену в сладкие и податливые губы, Егор подумал – неожиданно для самого себя: «А ведь идея не так уже и смешна, как кажется на первый взгляд! Семейное счастье Василия и Натальи – это только внешняя оболочка, за которой спрятан глубинный и очень значимый смысл. Зачем будущей России нужна кровавая Анна Иоанновна, любительница жирной буженины? Да и вся эта гнусная „бироновщина“ в целом? Это же можно будет, поставив над Курляндией своих проверенных людей, такой гигантский исторический шаг вперед совершить! Столько сохранить жизней людских! Не говоря уже о финансах, могущих быть спасенными от бессовестного разграбления алчными и бессовестными людьми...»

Глава третья

Женская голова – на плахе

Карета медленно – как и предписывалось строгим внутренним распорядком – проезжала через стандартный военный городок, являвшийся местом стационарного расквартирования (на период отсутствия военных походов и полевых учений) Преображенского полка. Длинные бревенчатые казармы, выстроенные в три – почти ровных – ряда, просторные амбарные помещения, треугольные погреба, разнообразные полковые мастерские, прачечные, конюшни, артиллерийские арсеналы, склады, почерневшие кузницы, бани...

Несмотря на то что местами горели яркие костры и тут и там на веревках сушились какая-то верхняя и нижняя одежда, вокруг ощущался крепкий образцовый порядок.

«Действительно получился автономный, знатный и настоящий такой городок! – взволнованно вертел головой во все стороны Егор, жадно вдыхая полной грудью знакомый специфичный запах, и думал: – Здесь – мой второй дом, и это не просто высокопарные слова! Запах армейского стационарного лагеря – лучший аромат на этой прекрасной планете, для тех, кто понимает, конечно...» Высунувшись из открытого каретного окошка, он велел Митьке-денщику, который на этот раз выступал в роли умелого кучера:

– Правь, деревенщина, на восточный край, к тем вот дальним баракам! Правый – это солдатская тюрьма, гауптвахта по-иноземному, а левый – изба пыточная. Ты же первый раз в полку? Вот и запоминай, пригодится...

«Как же можно – без пыточной избы! – ехидно и насмешливо заблажил внутренний голос. – Времена же у нас нынче темные, страшные, жестокие... Как без пыточной – вершить дела праведные да справедливые? Отменил бы ты, братец, это подлое дело, а? Кто-то ведь должен это сделать первым!»

Егор понимал, что внутренний голос абсолютно прав, но, но...

– И без этого – дел полон рот! – недовольно пробормотал он, опускаясь обратно на каретное сиденье. – И почему это я один должен быть белым и пушистым, привлекая тем самым нездоровое внимание к своей персоне? Ладно, ладно, вот закончится эта война, которая, кстати, еще даже толком и не началась, вот тогда-то уже явим всем образец человеколюбия и милосердия...

Возле темно-серого и громоздкого сруба пыточной избы неторопливо прогуливались, лениво и вяло переругиваясь между собой, Василий Волков и подполковник Андрюшка Соколов – командир четвертого батальона. Завидев подъезжающую карету начальника, спорщики прекратили свои незлобивые прения и быстрым шагом пошли навстречу.

– Ну и чего ругаемся, други мои? – поинтересовался Егор, ловко спрыгивая с приступка кареты на пожухлую осеннюю травку. – Не поделили что важное?

– Александр Данилыч! – четко отсалютовав, взволнованно зачастил Соколов. – Подполковник Волков – мой близкий друг, и все такое прочее... Но я не получал от вас приказа – принимать под арест неизвестных мне гражданских лиц! Не имею для действия этого на момент сей никаких веских оснований!

– Молодцом, Андрюха, благодарю за хорошую службу! – скупой похвалил подчиненного Егор и тут же повинился: – Вы уж, господа подполковники, оба извините меня! Совсем вылетело из головы, за всеми этими печальными событиями последних дней... Ничего, сейчас все это оформим соответствующим приказом. Так что, еще раз – извините!

– Да вы что, господин генерал-майор, Александр Данилович! – смущенным хором дружно забормотали подполковники. – Достаточно вашего слова...

– Оформим приказом! – повысил голос Егор. – Дело-то скользкое, непонятно чем еще и завершится... Ладно, а где эти? Которые – гонцы «перехваченные и доставленные»?

– Да вона – дремлют, родимые! Под охраной надежных сержантов! – махнул рукой в сторону Волков. – И сумки с бумагами там же, рядом со спящими гонцами. Без вас почту пока не вскрывали...

У темно-серой стены пыточной избы стояли два толстенных березовых чурбака, на которых льготно расположились два гонца «перехваченных»: иноземные богатые камзолы, неаккуратно распахнутые на груди, кудрявые парики сбились на сторону, глаза плотно закрыты, головы, откинутае назад, опираются на шершавые бревна избы, рты широко раскрыты, храп – на всю округу... Рядом со спящими дисциплинированно замерли два усатых преображенца с ружьями наперевес.

– Что случилось с ними, может, приболели? – обеспокоенно спросил Егор.

– Да вот, Александр Данилович, так получилось! – задумчиво почесал свою левую, выбритую до синевы щеку Андрюшка Соколов. – Больно уж эти заграничные господа оказались шумными и беспокойными: все требовали чего-то, грозились карами страшными и кровавыми, небесными и земными... Вот и поднесли им по маленькому ковшику перцовочки крепкой – для поднятия настроения. Откушали они, понравилось... Еще, понятное дело, поднесли. Вот и...

– Слабы оказались иноземцы на дело хмельное! – совершенно серьезно поддержал приятеля Волков. – Выпили-то – всего и ничего, а уснули крепко, не добудитесь.

Чуть в стороне от безмятежно похрапывающих гонцов были аккуратной горкой сложены несколько кожаных и холщовых сумок с почтой.

– Господин подполковник, у тебя в солдатской темнице нынче много постояльцев? – спросил Егор у Соколова.

– Да как обычно, господин генерал-майор! – непонимающе пожал подполковник своими широкими плечами. – С десяток наберется всякой швали. А что?

– Высели их всех срочно оттуда! Прямо сейчас! Пристрой куда-нибудь, пусть займутся полезным трудом, копают там что-нибудь, например... После этого пусть солдаты там внутри приберутся – тщательно, – но и очень быстро. Мы в этом помещении устроим временную рабочую точку. Вижу, спросить хочешь о чем-то?

– Господин генерал-майор, а с этими пьяными иноземными гавриками что делать? – кивнул головой Андрюшка в сторону крепко спящих посыльных.

– С этими? Придерживаться прежней мудрой тактики, а именно поить хмельным и далее. Денег на это полезное дело я выделяю. Необходимо срочно обставить пыточную избу под маленькое кружало, дыбу тщательно замаскировать тряпками, организовать из солдат несколько полноценных смен – чтобы составляли нашим глупым иноземным воробышкам компанию крепкую собутыльную... Спаивать их старательно и без всякого роздыха! Что делать с гонцами дальше – я объясню потом...

В помещении бывшей солдатской темницы Василий Волков собрал шестерых наиболее толковых и сообразительных сотрудников охранной службы.

– Значится так, братцы! В этих толстых сумках, что лежат на столе, находятся самые разные документы, – начал стандартный служебный инструктаж Егор. – Что написано в этих хитрых бумагах – ни меня, ни вас не должно интересовать. Совсем не должно! Более того, нас всех должно интересовать только то, что в этих бумагах внешне не написано! Понятно, орлы?

– Никак нет, господин генерал-майор! – дисциплинированным хором ответили толковые и сообразительные сотрудники.

– Поясняю, в первый и последний раз! Существуют всякие возможности делать написанный текст полностью невидимым. А потом, соответственно, обратно видимым, если это понадобится кому-то знающему. Поэтому вас должны интересовать только чистые, не исписанные

места на этих документах. Именно такие подозрительные места и должны быть тщательно и аккуратно обработаны специальными растворами. Вот – эти растворы, а вот – поручик Сергей Бухвостов, который вас и обучит этой нехитрой премудрости. Все бумаги с обнаруженной тайнописью откладывать в сторону! О каждой такой находке докладывать мне лично и незамедлительно! Только прошу четко запомнить: в какой сумке – какие документы лежали. Чтобы потом можно было бы все аккуратно сложить обратно, ничего не перепутав... Все, орлы, желаю успехов!

Он вышел на свежий осенний воздух, из приоткрытого окна пыточной избы доносились абсолютно пьяные голоса, душевно выводящие одновременно сразу несколько застольных песен – на нескольких разных языках.

– Идет процесс, идет, родимый! – довольно ухмыльнулся Егор и незамедлительно отправился в полковую столовую – завтракать.

Каша пшеничка-размазня, да с осенней переваренной жирной уклежкой, да с маслом ореховым – это тот еще продукт – для тех, кто понимает, конечно.

К вечеру этого же дня к двум гонцам-неудачникам добавился их третий нерасторопный коллега, на следующее утро – четвертый...

Хоронить Франца Лефорта вышла вся знать московская (еще бы – не вышла!), к ней плюсом – все послы и гости важные, иноземные. Громко и размеренно били армейские барабаны, светло и печально пели трубы. Шестнадцать черных вороных коней, выстроенные классическим немецким цугом, влекли вперед колесницу, на которой стоял скромный гроб, обитый черной материей.

Впереди похоронной процессии шли три полка – в полных списочных составах: Преображенский, Семеновский и Гордоновский, с развернутыми воинскими знаменами. Царь – в простом солдатском темно-зеленом мундире – шагал в авангарде преображенцев, бок о бок с Егором.

– Франц, Франц! Что же ты так – не ко времени? – горестно глядя в землю, пробормотал Петр. – Подлая смерть, она всегда уносит самых лучших, самых-самых надежных! Ты-то, Алексашка, береги себя! Хоть ты – не покинь меня...

Однако уже через пять-шесть минут царский голос неожиданно стал резким и откровенно недобрый, да и тема разговора кардинально поменялась:

– Тут разные – очень нежные... э-э, стали мне на ухо всякое нашептывать – про тебя, охранитель мой верный. Мол, берешь слишком много на себя, любимого, своеволен до полного неприличия, вороват, чрезмерно заумен – временами... Даже и не знаю, что делать теперь! – Петр нерешительно замолчал, нервно закашлялся, явно ожидая, что собеседник сам подхватит нить этого неприятного разговора.

Егор, мысленно брезгливо поморщившись, внятным и размеренным шепотом пересказал царю свой странный недавний сон – про таинственные серые Тени и их рабочее собрание-совещание, наполненное конкретными угрозами.

Петр резко и недовольно мотнул головой, сильно подергал правой щекой, криво и плотоядно улыбнувшись, ответил – совершенно неопределенно:

– Ладно, потом время покажет – кто тут прав, а кто – виноват. Время, оно непременно покажет... Я как-то и сам не очень верю, что ты у нас – подлый и коварный шведский шпион. Но люди говорят. Причем говорят – упорно и доходчиво, а дыму, как всем известно, без огня не бывает... Да и самоволие свое поумерь, охранитель, я прошу тебя! Душевно пока – прошу...

«Кто же это, братец ты мой, так пошло стучит на тебя? Кому это ты ненароком, небрежно так, оттоптал мозоль любимую? – возмущенно заволновался внутренний голос. – Своеволие? Шведский шпион? Нет, тут без коварной женщины не обошлось! Истосковался мин херц за

три с половиной месяца без женской горячей ласки, податлив стал, словно пластилин детский. А тут губы страстные, настойчивые, нежные – без устали нашептывают бред разный...»

Перед кладбищем полки дружно свернули: Преображенский и Семеновский – направо, Гордоновский – налево.

Теперь впереди гроба Лефорта шел только почетный караул воинский, состоящий из полковников и заслуженных офицеров, несущих боевые знамена, и полковых усатых барабанщиков – с их верными барабанами.

Гроб поставили на холмик слегка синеватой, чуть подмерзшей глины, усердно вынутой из глубокой прямоугольной могилы.

Все застыли в тягостном ожидании: было совершенно непонятно – будут ли надгробные речи, и кому их, собственно, говорить. Так получилось, что всю организацию похорон своего любимца царь полностью забрал в собственные руки...

Петр, страшно усталый, почерневший лицом, непохожий сам на себя, медленно встал на колени перед гробом, прямо в скользкую осеннюю глину, последний раз – одним легким касанием – поцеловал покойного в его абсолютно белый лоб, нетвердо поднялся на ноги, ни на кого не глядя, махнул рукой:

– Не будет никаких слов. И не ждите... Давайте крышку, закрывайте. Опускайте...

Громко и чуть хрипловато затрещали озябшие барабаны, офицеры медленно склонили полковые знамена, где-то недалеко, видимо услышав барабанную дробь, оглушительно ударили мортиры и тяжелые единороги...

Еще через десять—двенадцать минут вся скорбная процедура завершилась: Петр быстрым шагом, расталкивая встречных, удалился в неизвестном направлении, за ним потянулись и все другие...

Когда они в слегка промерзшей карете возвращались с похорон Лефорта к себе домой, Санька спросила, непонимающе хмурясь и возмущенно моргая своими длиннющими ресницами:

– Саша, а почему царь не дал никому сказать слов прощальных? Да и сам ничего толком не произнес? Не по-людски это как-то, без панихиды... Принято же говорить хорошее и доброе про усопшего...

– Любил просто очень сильно Петр Алексеевич герра Франца, – помолчав с минуту, ответил Егор. – Царь-то у нас вырос без отца, без руки мужской, жесткой. А генерал Лефорт научил его многому, направил на жизненную стезю... Вот царь и мертвого Франца Лефорта продолжает ревновать ко всем нам! – После совсем уже крошечной паузы добавил раздумчиво: – А не встретиться летом 1687 года Петр с герром Францем, что тогда выросло бы из нашего царя? Даже подумать страшно! И так-то – не подарок совсем...

Еще через пару минут жена задала следующий вопрос – абсолютно неожиданный и непоследовательный:

– А вот ты, любимый, сейчас – пэр, по Указу царскому. А я – кто? Пэрка, что ли?

– Нет, Санечка, ты по-прежнему – только дворянка Меньшикова! – виновато улыбнулся Егор. – Звание пэра, оно не распространяется на членов семьи...

– Несправедливо это! – обиженно надулась Санька. – Несправедливо!

– Не расстраивайся, мое сердечко! Я еще обязательно совершу целую кучу подвигов и непременно заслужу княжеское звание! Тогда и ты станешь княгиней...

Изучение изъятых документов, предназначенных для послов и советников зарубежных, начало приносить первые реальные плоды. Было обнаружено десять самых разных документов, предназначенных для представителей практически всех посольств, где обнаружили тайнопись.

Только вот в семи бумагах тексты были совершенно нейтральными, вернее, посвященными делам достаточно скользким, но не имеющим ни малейшего отношения к подлому убий-

ству генерала Лефорта, а вот в трех случаях – содержание некоторых фраз было куда как интересным...

Егор, не в силах сдержать своих эмоций, радостно постучал кулаком по дубовому столу и отдал подполковнику Волкову следующий приказ:

– Все, Вася, завершаем наши исследования! Все документы – кроме вот этих трех – аккуратно разложить по сумкам, как все и было уложено изначально. Ничего только не перепутайте, торопыги! На тех семи бумажках, где послания тайные выступили нам не интересные, снова тексты сделайте полностью невидимыми. Сумки сложите у меня в карете, прямо на полу... Далее, всех пьяненьких гонцов и посыльных, предварительно переодев в простецкую одежду, срочно и тайно переместите в кружало дальнее, замоскворецкое, в зал для подлого и низкого люда. Э-э, запомятовал это я: в данном кружале дальнем, занюханном, и зал-то – всего один. Там напоить их – до полного и окончательного бесчувствия, после чего оставить в покое, прилюдно напихав в их карманы солидных денег... Да, сотрудники твои, которые будут выполнять это ответственное поручение, должны быть одеты неприметно, с накладными лохматыми бородами, и все такое... Давай, подполковник, выполняй! – улыбнулся широко и многозначительно: – Вот, смотрю, повеселел ты, брат Василий! Глаза знатно так блестят, румянец играет на щеках. Небось одна особа высокородная – шепнула парочку веселых словечек? Ну-ну... Иди, брат, работай! Ромео ты наш, доморощенный...

Вечером этого же дня, когда семейство Меньшиковых сидело за столом с нехитрой, но сытной трапезой – без разносолов особых, в столовую ворвался взволнованный Алешка Бровкин, всегда имевший неограниченный доступ в дом Егора.

Поправив сбившийся набок рыжий кудрявый парик, он, поцеловав наспех в макушки сестру и племянников, жарко и сбивчиво зашептал на ухо Егору:

– Данилыч, беда! Царь тебя требует во дворец Преображенский – незамедлительно! Там к нему послов и советников понаехало иноземных – штук десять, может, и больше. Все очень злые, жалуются на тебя чередой: мол, людишки охранные похищают самым бессовестным образом их гонцов и посыльных – вместе с дипломатической почтой. Скандал разгорается, не дай бог! Петр Алексеевич нынче весьма гневен, грозитя тебе, Данилыч, ноздри вырвать и отправить навечно в Сибирь – на медные рудники. Одевайся срочно, поехали, у меня карета...

– Ладно, Алеша, пойдем со мной, поможешь мне тащить груз один, – покладисто вздохнул Егор, поднялся со скамьи, спокойно попрощался с женой и детьми: – Дела зовут важные, государственные! Вернусь, наверное, уже под утро... Так что, снов вам, родные, беззаботных и спокойных!

Он надел поверх короткого черного парика шляпу-треуголку, на бок прицепил полковничью шпагу – с золотой рукоятью, на ноги натянул черные короткие ботфорты, велел Алешке:

– Прихвати вон те сумки кожаные, а я холщовые возьму!

– А что в сумках-то, Данилыч?

– Так пропажа же дорогая, почта дипломатическая! От нешуточного удивления Бровкин – он же первый русский маркиз де Бровки – даже на корточки присел:

– Как же так, Александр Данилович? Неужто заморские послы сказывают правду?

Егор ответил – с легкой грустинкой философской:

– Что есть правда, мой юный друг? Так, обычная сентенция словесная, переменчивая – с течением времени. Не более того... Ладно, рот-то прикрой свой, вороны здесь не летают. Поехали – к царю!

В переговорный зал Преображенского дворца Егор вошел неторопливой и размеренной походкой, громко и уверенно стуча по крашеным доскам деревянного пола каблуками своих ботфорт. За ним, чуть приотстав, следовал Алешка Бровкин, нагруженный сверх всякой меры сумками – кожаными да холщовыми.

В зале, где кроме русского царя находилось множество иноземных дипломатов, тут же стихли все разговоры и перешептывания, и установилась полная тишина, звенящая, как полноценная стая оголодавших весенних комаров.

Достигнув середины зала, Егор величественно остановился, отвесил общий глубокий поклон и, держа правую ладонь на золотом эфесе своей шпаги, обратился к царю – громким и спокойным голосом, на немецком языке:

– Государь, Петр Алексеевич, дозволю слово молвить – важности особой, государственной! Данных господ, – он, развернувшись на пол-оборота, плавно и широко провел по воздуху левой рукой, – это тоже касается – в безусловном порядке...

– Сказывай! – сквозь стиснутые зубы зло промолвил-прошипел Петр.

Егор низко поклонился царю, очень медленно выпрямился и начал излагать, стараясь, чтобы его голос был максимально спокойным и бесстрастным:

– Мне доложили, что в замоскворецком кружале царском творятся дела удивительные и странные. Мол, там уже несколько суток подряд пьянствуют с десятков иноземных господ. Пьянствуют они беспробудно и упорно, безо всякого перерыва... Я отправил туда своих доверенных сотрудников. Выяснилось, что эти необычные пьяницы имеют при себе некие важные почтовые документы. Самих загулявших забулдыг мы не стали трогать – потому как они не российские подданные, оставили их там, где и обнаружили... А вот дипломатическую почту – всю изъяли, без остатка. Маркиз, предоставьте! – властно махнул Алешке рукой.

Бровкин сделал два шага вперед по направлению к зарубежным дипломатам, без всякой спешки сгрузил на пол все сумки почтовые, коротко и вежливо кивнул, после чего молча отошел в сторону.

– Уважаемые господа советники и посланники! – незамедлительно продолжил свою пафосную речь Егор. – Почту вашу секретную мы, естественно, не читали. Как это и полагается – по законам дипломатии высокой... Ох уж эта высокая дипломатия! Поэтому прошу вас самих разобраться: где здесь – чье! – Он склонился в низком приглашающем поклоне, вежливо помахав своей треуголкой – туда-сюда...

Реакция на данное выступление превзошла все ожидания: большая часть дипломатов, нетерпеливо отталкивая друг друга в стороны, тут же переместилась к небрежно сброшенным на пол сумкам, опасаясь, как бы их тайная переписка не досталась друзьям-конкурентам. Меньшая же часть, отвесив торопливые поклоны, незамедлительно устремилась к выходу из переговорной палаты...

«Понятное дело! – ехидно и криво усмехнулся внутренний голос. – Отправились в замоскворецкое кружало! Напрасный труд: в России к пьяным личностям, у которых карманы деньгами щедро набиты, всегда относились без малейшего пиетета. Хотя если кто из гонцов и в живых до сих пор остался, то это вряд ли поможет делу: русская „белочка“ – штукавина серьезная, непредсказуемая, запутывающая всех и вся... Эти бедолаги о таком поведают, что у слушателей все их волосенки дыбом встанут...»

Егор, пользуясь всеобщей суматохой, ловко переместился к царскому походному трону, глядя Петру прямо в глаза, негромко прошептал:

– Мин херц, дела творятся очень серьезные и пакостные! Головой своей отвечаю! Попроси остаться сейчас:

польского военного советника – генерала Карловича, саксонского посланника Кенигсека и этого – Паткуля, прибалтийского патриота. Остальные сейчас нам не нужны, пусть занимаются своими делами. Поверь мне, мин херц, дела наиважнейшие, предательские... Что ты раздумываешь? Честью клянусь, что это необходимо! Ты же – крестный моих детей, не буду я тебе злостно и беспричинно морочить голову всякими глупостями... Для начала, разговори их о текущих делах, о высокой политике, о будущей войне. Пусть уж полностью выскажутся.

А потом и я добавлю немного, в качестве завершающего картинного мазка, – подмигнул царю по-свойски, как много лет уже мигал – в пиковых и скользких ситуациях...

– Ох, смотри у меня, Алексашка, сукин кот! Доиграешься, плясун канатный! – недоверчиво и криво усмехнулся Петр, но нужную просьбу-команду, после минутного сомнения, все же отдал.

Через двадцать минут в переговорном зале стало бесконечно уютно: о чем-то вечном и неземном пел-рассказывал полукруглый угловой голландский камин, покрытый снаружи испанскими красно-коричневыми изразцами. Молчаливые слуги – отроки в льняных светлых одеждах (здесь Петр не успел еще внести кардинальных европейских изменений, поскольку отроки сии были тихи, ловки и незаметны), расставили на длинном столе, застеленном серой льняной скатертью, расшитой разноцветными петушками, нехитрые русские и хитрые – иностранные – вечерние кушанья, а также напитки – в самой разной и вычурной таре.

За столом сидели впятером: Россия и Европа – двое на троих. Глухо и безразлично трещали восковые свечи, тревожно и зловеще посвистывали дворцовые сквозняки.

Высокие бокалы были до краев наполнены венгерскими и французскими винами, на узких и вытянутых в длину тарелках были разложены холодные закуски, принятые тогда для времени вечернего: мясные и кровяные колбасы, щедро сдобренные дорогущими восточными пряностями, холодное жареное и вареное мясо разной птицы, сыры – жирные и мягкие, ломтики копченой рыбы, блюдечки с икрой...

С одной стороны стола расположились Петр и Егор (Меньшиков Александр Данилович), с другой – польский генерал Карлович, посол саксонский – кавалер Кенигсек и Иоганн Паткуль, представляющий интересы Ливонии и Курляндии. В незначительном отдалении, вдоль противоположных стен зала, маячили фигуры охранников: Алешка Бровкин и Василий Волков – от русской половины стола, три неуклюжие личности в серых неприметных камзолах – от другой половины...

Через некоторое время, после очередной перемены кушаний (вареные раки – обычные и голубые, из северных рек, впадающих в Белое озеро), Петр, отложив обратно на фарфоровую тарелку не до конца обглоданное жареное лебединое бедро, попросил всех присутствующих на этом позднем ужине высказаться – относительно реалий высокой политики европейской.

Со своего места поднялся Иоганн Паткуль – мужчина худой, костистый, визуально очень неприятный и злобный, заговорил важно и значимо:

– Я буду говорить, если мне это будет позволено, от лица всей Северной коалиции! – прокашлялся еще раз, обтер губы белоснежным носовым платком, непонятно усмехнулся и продолжил: – Шведское господство для всех нас, а для Лифляндии – в первую очередь, нестерпимо совсем! Мы готовы незамедлительно выступить против этого подлого владычества! И ждем от России Великой – помощи действенной!

– Почему именно – незамедлительно? – осторожно спросил Егор. – Почему – прямо завтра, а не через год или, допустим, через два?

Паткуль – словно бы ему раскаленный железный штырь вставили в одно известное место, передернулся всем своим худосочным и длинным телом:

– Сегодня королю шведскому Карлу Двенадцатому всего шестнадцать лет. Сейчас он просто смелый, отчаянный, но и очень глупый львенок. Это так. Но он вырастет день ото дня... Чем быстрее начать серьезную войну против него, тем больше вероятность полной и окончательной победы!

«До чего же умны и сообразительны – эти европейские ребята! – притворно восхитился внутренний голос. – Надо им прямо и сейчас завершить все дела: пока оба царя-короля – и русский, и шведский – еще молоды и неопытны. Все карты козырные хотят дальновидные европейцы разыграть своевременно, не откладывая решения проблем насущных в долгий ящик...»

А Паткуль, тем временем и без устали, продолжал заливаться курским весенним соловьем:

– Я не хочу говорить за Курляндское герцогство, но моя дорогая Лифляндия... В свое время мы наивно поверили Речи Посполитой, обещаниям их сладким, что Рига – всегда будет вольным торговым городом. В первые годы все было хорошо и примерно. Потом пришли иезуиты, – при этих словах Петр невольно нахмурился, а его правая нога чуть заметно дернулась. – Они устроили подлые гонения на наш язык, запретили нашу веру. Тогда мы отринули поляков и вверили судьбу берега прибалтийского в шведские руки... Это была величайшая ошибка: из когтей польского орла – уйти в пасть льва шведского...

– Поторопились это вы немного! – хмыкнул Петр.

– Карл Одиннадцатый, отец короля нынешнего (Бог судья им обоим!), он совсем потерял совесть! – разошелся не на шутку Паткуль, изредка посматривая на Кенигсека и Карловича. – Этот сатрап дошел до того, что издал законы, согласно которым можно отбирать у дворянства земли, жалованные прежними королями! Это – просто неслыханно! Это... – Паткуль даже задохнулся на короткое время – от нахлынувшего на него чувства негодования. – Это – просто невозможно! Право на исконные земли рыцарей, гроссмейстеров ордена и епископов нужно было доказывать древними грамотами, а если грамот тех не было в требуемом виде, то тогда все земли и угодья незамедлительно отходили в шведскую казну... Ливонское дворянство не желает больше терпеть жадных шведских узурпаторов! Мы надеемся, что наши совместные усилия помогут восстановить историческую справедливость...

Прозвучало еще множество речей, сказанных на разных языках, с иным напором, но с содержанием – один в один: надо срочно и непреложно – мочить коварных шведских захватчиков, освобождая от них несчастные, жестоко угнетаемые прибалтийские народы...

Петру все это откровенно надоело, он широко зевнул и сильно ущипнул Егора за бедро, мол: «Делай, чего задумал! Чего мне слушать хрень эту, общеизвестную? Спать хочется, однако!»

Егор громко и значимо кашлянул, дождался, когда все остальные собеседники сосредоточат свое внимание только на нем, поднялся, демонстративно медленно выпернул оловянный стаканчик с перцовкой, со стуком поставил пустую тару на стол, ладонью обтер губы, недобрым взглядом оглядел гостей иноземных и – бухнул – голосом диктора Левитана, правда, опять же на немецком языке:

– Прошу внимания всеобщего! Должен сделать наиважнейшее заявление – от лица Высшего Государственного совета российского! Настаиваю на полной и безоговорочной тишине!

Безоговорочную тишину нарушал только короткий и регулярный «ик», это Петра Алексеевича вдруг пробило на икоту легкую...

«Водички бы попил, что ли!» – неприязненно подумал про себя Егор, а вслух уверенно и сердито заявил, резко вынимая из-за правого обшлага камзола три слегка помятых бумажных листа:

– Моей Службой обнаружено несколько документов, содержание которых представляет особый государственный интерес! Более того, речь в них идет о страшном преступлении и даже – о государственной измене! Генерал Карлович, встаньте, пожалуйста!

Карлович – грузный, слегка багровый от выпитого, выронив из своих толстых пальцев серебряную вилку, на зубцы которой был наколот толстый ломоть жирной буженины, медленно привстал со своего венского стула.

– Эта бумага – невинное письмо от управителя вашего лодзевского поместья, – спокойно сообщил Егор. – В ней говорится об урожае овса и пивного хмеля. Рассказывается о выловленных толстых карасях – из специальных искусственных прудов. Но, – он сделал короткую паузу, – в промежутке между этими важными сообщениями, есть текст, написанный симпатическими чернилами. Судя по почерку, это писано рукой высокородного Августа, короля

польского, курфюрста саксонского. Цитирую: «Шутка ваша – полностью удалась! Придумка со шведскими сливами – просто великолепна!».

– Что, что такое? – мертвым голосом выдохнул Петр. – Какие это такие – шведские сливы, а? О чем идет речь?

– Мин херц! – почтительно прервал царя Егор. – Давай я уже все им выскажу, а уж потом и ты словечко свое жесткое замолвишь? Договорились? Так вот. Карлович, сядь на место, с тобой уже все ясно... Кавалер Паткуль! Встал уже, худосочный ты наш? Молодцом!

Вот послание от Великого герцога Курляндского, твоего личного и доброго друга. Письмо как письмо: о карточных долгах, о ваших общих бабах... А в конце имеется тайная приписка. Цитирую: «Придумка с вишнями шведскими, право, недурна! Продолжайте в том же духе!»

Петр утробно застонал, скрежеща зубами, Паткуль, не дожидаясь отдельного приглашения, испуганно дрожа всем телом, опустился в свое кресло...

– Теперь встаньте вы, уважаемый посол саксонский, кавалер Кенигсек! – повысил голос Егор, вскипел, теряя терпение: – Вставай, собака тонконогая, пока не пришибли в горячке! Вот и умница, хороший мальчик... Еще одно письмо – все от того же Августа Польского Великолепного... Содержание – и вовсе неважно, сразу перехожу к его тайной части, писанной симпатическими чернилами. Цитирую: «Это очень хорошо, что вы, Кенигсек, приручили эту блудницу кукуйскую. Информация, полученная от нее, воистину бесценна...»

– А-а! – страшно закричал Петр, вскакивая на ноги. – Убивайте их всех троих, врагов! Убивайте... Пистолет мне! Алексашка, пистолет...

Царь неловко упал на деревянный (слава богу, что не каменный!) пол, забился в несимпатичных судорогах. Ему на помощь тут же кинулись Волков и Бровкин, из боковых ходов и коридоров, видимо, по условному сигналу, поданному Алешкой (или – Василием?), выскочило с десятков вооруженных сотрудников Службы охранной, взяли на мушку троих послов-дипломатов, оперативно – с короткими болезненными «охами» – разоружили и совершенно непочтительно положили на пол их зарубежных денщиков.

Егор – чисто ради личного удовлетворения – звякнул своей шпагой, погоняя пару раз ее лезвие в ножнах, после чего любезно посоветовал полномочным иноземным представителям – все еще пребывающим в полном обалдении:

– Господа мои высокородные, а вы жить-то хотите? Если хотите – так вон отсюда! Из России, в смысле... Расселись по каретам – и к границе незамедлительно, лошадей своих не жалея... Наш Петр Алексеевич, когда гневен бывает, то ему что смерд, что князь, что дипломат иностранный – все без особой разницы. Просто – мяса кусок... Вперед, господа мои, вперед! Форверст – по-вашему, форверст! Особенно это вас касается, прекрасный кавалер Кенигсек! Особенно – вас, красавчик напомаженный...

Иноземные господа и их денщики, которых никто и не держал, испарились в течение минуты. В палате появился доктор Жабо, занялся царем уже профессионально, предварительно отогнав в сторону всех добровольных и усердных, но бестолковых помощников.

– Подполковник Волков! – громко позвал Егор.

– Здесь я, Александр Данилович!

– Лично – с командой надежных сотрудников – выезжай на Кукуй! Арестуешь там известную тебе Анну Монс! Ну и всех остальных господ, которых застанешь у нее в гостях...

– Доставить в темницу дворцовую?

– Не стоит пока. Ограничимся домашним арестом. Вплоть до особого распоряжения Петра Алексеевича...

Через трое суток на Красной площади состоялась образцово-показательная казнь.

Строгим царским Указом предписывалось: «Быть на сем важном мероприятии всей знати московской, а также всем послам и советникам иноземным, которые на сей момент пребывают в Москве-городе...»

Народу собралось на площади – не протолкнуться. На высокий помост, поддерживаемая с двух сторон рядовыми катами, поднялась Анхен – с крепко связанными за спиной руками, в одной тонкой рубашке холщовой, покрытой кровавыми пятнами, с фиолетовыми синяками на лице и с обрубком кровавым – на месте правого уха.

– Это что же, он сам ее пытал? – с ужасом прошептала Егору на ухо Санька.

– Сам, лично. Никому не доверил, старая любовь все же...

Помощники ката грубо, отвесив пару увесистых затрецин, поставили женщину на колени, ловко пристроили ее голову на плахе – как полагалось по соответствующим инструкциям, скромно отошли в сторону.

В полной тишине на помост вышел главный кат-палач: в ярко-красном колпаке – с прорезами для глаз – на голове, низко поклонился зрителям, демонстративно попробовал остроту топора о собственный ноготь большого пальца, неторопливо подошел к коленопреклоненной женщине, коротко размахнулся...

Женская голова, удивленно моргая невинными голубыми глазами, с громким стуком скапывала на деревянный помост, орошая его алой кровью...¹¹

– Почему даже обвинения не зачитывали? – потом уже, дома и без свидетелей, искренне и горячо негодовала Санька. – Так же нечестно, право...

– Велено ограничиться только распусканием слухов, – объяснил Егор. – Мол, казнена за государственную измену. И еще велено всех известить негласно: всем женщинам российским запрещено – под страхом лютой и скорой смерти – вступать в плотские отношения с иностранными посланниками и разными прочими дипломатами... Эх, Анхен, Анхен, и чего тебе, дурочке, не хватало?

– Очень уж сильно она хотела стать полноправной русской царицей, аж до колик желудочных! – пояснила мудрая Санька. – А потом поняла, что не бывать этому никогда. Поняла и обиделась смертельно на Петра Алексеевича. Вот от обиды той глупой и ударилась во все тяжкие...

¹¹ Авторский вымысел, по-настоящему Анна Монс в 1703 году была отправлена в ссылку.

Глава четвертая

Тяжкое похмелье, гигантский сом и бешеный волк

– Похмелье – штука тонкая и неоднозначная! – терпеливо объяснял царю Егор. – С одной стороны, жутко неприятная и противная, а с другой, именно во время похмелья сильного очень сподручно итоги подводить промежуточные, давать оценки непредвзятые – делам и помыслам своим. Тут главное, чтобы полный покой был кругом, и никто не стоял над душой – с нравоучениями заумными и нудными... Вот, мин херц, ты сейчас, после событий последних, ходишь весь смурной – как будто с похмелья гадостного, все у тебя валится из рук... Не, так дальше нельзя! Развеешься слегка тебе надо, отдохнуть душой... Поехали к нам в Александровку, а? Ноябрь нынче теплый стоит, даже путных утренних заморозков еще толком-то и не было. Сходим по последние грибы, посидим на тихом речном берегу – половим окуньков да плотвиц русских. Потом сладим невеликий костерок, ушицы наварим, похлебаем ее – под водочку анисовую да тминную, поговорим по душам, покумекаем – о делах наших будущих...

Часа через два Петр, наконец, сдался – улыбнулся, подмигнул бесшабашно:

– Уговорил, речистый! Вели – собираться... А с собой возьмем только своих, сердцу любезных...

В «кумпанство» – любезное царскому сердцу – вошли: Егор, его жена и дети, Гаврюшка – двенадцатилетний родной брат Саньки, князь-кесарь Федор Юрьевич Ромодановский, царевич Алексей и царевна Наталья, старенький генерал фон Зоммер да Василий Волков с Алешкой Бровкиным, которые одновременно являлись и охранниками всего «кумпанства» этого.

Якова Брюса тоже хотели прихватить с собой, да нигде не нашли.

– Как сквозь землю провалился, бродяга всемудрый! – оправдывался Волков. – Совсем другим вернулся наш Яшка из Европы два с половиной месяца назад. Нелюдимым стал каким-то, в глаза прямо не смотрит, прежних друзей-приятелей избегает, обходит стороной. Не, и на похоронах герра Лефорта он присутствовал, и на казни Анны Монс, преступницы государственной, его многие видали. А потом словно бы испарился – весь, без всякого остатка! Брюсовы домашние слуги бают, что он отъехал в одну из деревенок своих, а вот в какую конкретно, и не знают. А деревенок тех у Якова – целых шесть штук наберется: две ему папенька родный отписал, да еще четыре – Петр Алексеевич, за заслуги ученые да военные...

– Черт с этим Брюсом, не будем ждать, пока он найдется! – решил Петр. – А по всем деревням Брюсовым – срочно гонцов послать со строгим наказом: незамедлительно прибыть в Александровку! Если ослушается, то пощечин лично надаю мерзавцу, а деревушки те заберу взад!

Естественно, что пришлось подумать и про обеспечение безопасности этого «дачного» мероприятия. Для этого привлекли два полновесных драгунских эскадрона и полтора десятка отборных Егоровых сотрудников.

В первое же утро пребывания в Александровке «кумпанство» разделилось на две части: женско-детскую и мужскую.

Наталья и Санька с детьми, которые не отходили от нее ни на шаг, занялись делами сельскохозяйственными: ревизией амбаров, погребов и житниц, а также приготовлением поздних осенних варений и джемов – из садовой рябины, шиповника и антоновки.

Мужчины же занялись исконно мужским делом, а именно – рыбной ловлей.

Егор, Петр и князь-кесарь Ромодановский засели на берегу тихого речного омута с удочками в руках, Волков и братья Бровкины, несмотря на достаточно прохладную погоду – плюс восемь-девять градусов по Цельсию, решили потягать классический сорокаметровый бредень.

Речка, кстати, все по тому же странному совпадению, также именовалась Александровкой. В некотором отдалении от рыбаков неторопливо прогуливалась, бдительно поглядывая по сторонам, многочисленная и хорошо вооруженная охрана.

Генерал Зоммер и царевич Алексей, взяв в руки по обыкновенной плетеной корзинке, отправились в ближайшую березовую рощу по грибы – в сопровождении местного пожилого крестьянина и трех обломов-телохранителей.

Удочки были оснащены совершенно обычно – для тех времен: удилища из гибкой и прочной лещины – дикого лесного орешника, вместо лески – достаточно толстая пеньковая веревка, поплавки из гусиных перьев, свинцовые грузики-дробинки, а вот крючки были просто отличные – стальные, сделанные в Германии, на знаменитом оружейном заводе городка Ильзенбурга.

– Мелочь только клюет сегодня! – недовольно посетовал Петр, вытаскивая из речных вод очередного колючего ерша.

– Не скажи, Петр Алексеевич! – в ответ густым басом пророкотал князь-кесарь. – Ерши-то очень даже и хороши! Какая настоящая уха – без ершика сопливого? А настоящая, крупная рыба, она в бредень к Ваське и Алешке попадется. Вона, они его уже усердно распутывают. Костер разожгли большой, чтобы было где отогреться потом. Скоро уже и тягать начнут...

– А вот и окунек попался хороший! – радостно сообщил Егор, вытаскивая двухсотграммовую рыбешку.

Петр нетерпеливо перебросил свою удочку, громко откашлялся и высморкался, оглядевшись по сторонам, негромко проговорил:

– Да, хорошо здесь, красиво, очень тихо, пахнет душевно! Лепота – одним словом... А что же вы не ругаете меня, соратники? Почему не стыдите и не поносите словами последними, а? – неожиданно повысил голос: – Почему, я вас спрашиваю? Ведь повел я себя – как мальчишка последний, сопливый. Куда там до меня – ершам местным! Разгневался безо всякой меры, попался на эту пошлую наживку – с тремя «сливами» (или же «вишнями»?) шведскими. Войну вот объявил – Карлу Двенадцатому... Бред просто какой-то горячечный! Стыдно-то как...

– Бывает, государь! – начал терпеливо утешать царя Ромодановский. – С каждым такое может случиться. Гнев горячий, он все застилает перед собой. Разум человеческий опутывает подлым туманом...

Царь согласно покивал головой:

– Верно все ты говоришь, князь Федор! Словно в густом тумане я был, дела вершил совсем себя не помня... Вот и наворотил тех дел – выше Спасской башни! Что делать-то теперь будем, други верные? Ведь придется теперь – по поздней весне – штурмовать Нарвскую крепость! А мы и не готовы к этому действию... Совсем – не готовы! Конфузия выйдет изрядная, позорная, кровавая...

– А штурмовать Нарву – и необязательно совсем! – подчеркнуто небрежно и отстраненно известил князь-кесарь, ловко вываживая из речных вод бокастого, желто-янтарного полукилограммового язя.

– Ух ты! – завистливо выдохнул Егор и тут же поддержал Федора Юрьевича: – Действительно, далась тебе, мин херц, эта Нарва! Впрочем, сметана тамошняя, действительно, очень даже недурна...

Петр тут же занервничал, шумно отбросил свою удочку в сторону, распугав всю рыбу, зло уставился на Егора своими круглыми от гнева глазами, громко попросил – грозным, недобрым и многообещающим голосом:

– Объяснись, охранитель, зараза гнилая! Как это: «Далась мне – эта Нарва»? Я же во всех письмах своих – к государям Северной коалиции – клятвенно пообещал, что по весне мы непременно подойдем к Нарве! Как быть с этим? Ведь царское слово сказано... Да и шведский король Карлус уже, наверное, получил мое письмо – с объявлением войны. Объяснись, умник

хренов, лапотный, незамедлительно! Ежели что, так можно вспомнить и про батоги злые, отринув все прошлые заслуги...

– Так если обещали: «Подойти к Нарве», так и подойдем! Кто же спорит с этим? Подойдем малым воинским корпусом, скажем – восемью пехотными полками и шестью драгунскими – прихватив с собой легкую полевую артиллерию. Разорим там округу – от всей широкой души русской, гранат зажигательных в город побросаем вволю... Будет возможно, то и по кораблям постреляем шведским, если таковые будут стоять в устье реки Наровы. Проведем, что называется, активные полевые маневры и учения! Все лето можно будет практиковаться, коль хватит пороха и продовольственных запасов... Если же хулиганить у Нарвской крепости надоест, можно будет сходить и к городку Юрьеву, где шведы нынче прочно засели, и там также навести знатного шороху! А поздней осенью войска отойдут на зимние квартиры. Только – на новые зимние квартиры. Вот что, мин херц, важно!

– Это что еще за странная притча – про новые зимние квартиры? – удивился царь голосом, в котором уже не было ни малейших следов недавнего гнева, только лишь – искреннее любопытство.

Егор вытащил еще одного стограммового красавца-ерша, ловко отцепил его с крючка, бросил в ведро с водой и развил свою мысль:

– Объясни мне вот что, государь, мин херц, а для чего большинство наших частей воинских обретаются стационарно близ Москвы Первопрестольной? Не, а для чего?

– Ну не знаю. Наверное, для того, чтобы были всегда под рукой...

– Неправильно это! – безапелляционно заявил Егор. – Где у нас будущий театр активных военных действий? Правильно, на Балтийском побережье! Вот пусть те войска, которые постоянно будут принимать участие в этой серьезной кампании, которая, в свою очередь, наверняка затянется на долгие годы, и базируются – поближе к местам будущих боев... А именно в Пскове и Новгороде! Тем более что надо задуматься и о безопасности самих этих русских городов. Крепостные стены там давно уже требуется подновить и отремонтировать... Вот, пока воинские полки совершенствуются в своих разных умениях, в Новгороде и Пскове пусть плотники и каменщики поработают усердно. Твердыни отремонтируют, построят полноценные воинские городки...

– А что? Дельно это! – кивнул своей массивной и тяжелой головой князь-кесарь. – Зачем нашим доблестным солдатам туда-сюда передвигаться – через полстраны? Да и за Псков с Новгородом – гораздо спокойней будет. Тогда там безбоязненно можно будет склады закладывать серьезные – для будущей войны...

Царь заинтересованно похмыкал, снова взял в руки свою удочку, брезгливо морщась, насадил на крючок свежего земляного червяка, забросил снасть в реку, после чего слегка сместил ракурс беседы:

– Маневры военные округу разорили, в город вволю набросали зажигательных гранат, корабли шведские попугали... Не, неплохо это, весело даже! И по поводу Новгорода и Пскова – все верно и дельно. Сегодня же отпишу генералу Репнину, чтобы он – вместе со своей дивизией – следовал в Новгород и крепко обустроивался там... Но где же, господа мои, собственно – война? Где, я вас спрашиваю? Когда мы начнем активные воинские действия? Через год, через два, через пять-шесть?

– Опа! – Егор неожиданно выхватил из реки трехсотграммового щурка-сеголетка. – Зачем же, государь, «через год»? Я предлагаю – месяца через три-четыре, не позже! Тут от покойного генерала Франца Лефорта много бумаг осталось разных, дельных и полезных. Он, оказывается, в прибалтийских землях давно уже имел с десяток тайных и надежных осведомителей, платил им щедро – из собственного кармана... Лет пять последних генерал готовился тщательно – к жестокой войне со шведами, собирал полезную информацию. Вот, мин херц,

прочел я все те бумаги, писанные его людишками, мысли смелые – сразу же и зашевелились в голове...

Петр запустил в воздух длинную матерную тираду, явно готовясь задать следующий непростой вопрос, но этот содержательный и увлекательный разговор пришлось прервать на некоторое время: со стороны яркого костра, горящего на речной каменистой отмели, где рыбо-ловецкая «бригада» бесстрашно тягала бредень – в холоднющей осенней воде, раздались восхищенные вопли и восторженный мальчишеский визг:

– А-а-а! Сюда все, скорее, скорее! Тут – такое! А-а-а!

Побросав свои уловистые удочки, рыбаки со всех ног бросились к косе, Петр, сломя голову, несясь первым, князь Ромодановский неуклюже и грузно трусил замыкающим, точно старенький и очень усталый паровоз...

– Один раз и затащили всего-то! – широко и глупо улыбнулся им навстречу Алешка Бровкин. – Метров сто двадцать – сто тридцать протянули и встали – намертво! Сперва подумали, что просто напоролись на корявую и большую корягу. Стали мы осторожно выбирать мотню бредня, а она – полным-полна! Первый раз вижу – такое рыбное изобилие...

Улов действительно впечатлял: несколько больших темно-зеленых окуней, неплохая щука, два крупных леща и – бессчетное количество очень ровных килограммовых серебристых карасей.

– Славная рыба – этот карась серебристый, очень уж быстро набирает вес! – доверительно сообщил царю Егор. – По следующей весне обязательно заведу у себя в Преображенском полку рыбные пруды. Заставлю солдат проштрафившихся – землю копать с усердием, дождусь, когда дожди до краев наполнят водой эти ямы, потом отсюда карпов привезу – в больших деревянных бочках, выпущу в пруды. Своя свежая и жирная рыба для лагеря солдатского – важное и нужное дело!

Вскоре звонкий мальчишеский визг повторился с удвоенной силой: это царевич Алексей – с полупустой корзиной в руке – вернулся из осеннего леса и со всей своей природной непосредственностью выражал бурный восторг, который потом – совершенно непоследовательно – сменился ворчливыми и гневными претензиями.

– Что, подлые вороги, не могли чуть подождать меня? – жалобно ныл царевич. – Что, трудно было? Вот же – жадины противные! – Алексей тихонько заплакал и тоненько заныл: – Хочу рыбальить! Хочу бредень тягать! Хочу! Хочу! Хочу!

«О, узнаю до боли знакомые нотки! – не удержался от ехидного замечания внутренний голос. – Сильна все же кровь романовская, дает знать о себе...»

Царь тут же проникся, размягчился сердцем, откровенно разнюнился и жалобно попросил:

– Ну, чего вы, соратники, право? Уважьте уж ребенка моего, побалуйте, не убудет от вас! Отогреетесь потом – водочкой у костра!

Делать было нечего, пришлось опять лезть в холодную воду.

– Эх, где только наша не пропадала, мать его! – решил Егор и начал торопливо раздеваться. – Василий, начинай рыбу чистить для будущей ухи, я немного поплаваю вместо тебя...

Было нестерпимо холодно, когда Егор и Алешка Бровкин медленно поплыли вниз по течению, крепко держа в руках дальний вертикальный шест бредня. Со вторым шестом шли – по щиколотку в воде – Гаврюшка Бровкин и царевич Алексей.

– Ух ты! – чуть испуганно профыркал старший из братьев Бровкиных. – Удар-то какой был! Шест чуть не выпрыгнул из рук! Давай, Данилыч, гребем от греха к берегу...

Удар действительно получился (у кого только – спрашивается?) очень сильным и коварным, у Егора даже противно и звонко закололо в позвоночнике. По широкой дуге они поплыли к берегу.

– Гаврюшка, так тебя растак, выбирайте с моим тезкой бредневую мотню! – громко и уверенно скомандовал маркиз Алешка. – Только нижнюю и верхнюю веревки одновременно тащите, так вас растак, и не давайте слабины! Иначе – вся рыба разбежится...

Егор отвечал за нижнюю направляющую веревку бредня, Бровкин – за верхнюю. Складывалось впечатление, что в этот раз улов будет небогатым: мелькнули несколько мелких серебристых карасиков, одинокий плоский подлещик...

– Да, не получилось в этот раз... – договорить заранее заготовленную фразу Егор не успел, последовал новый сильный удар, и он, потеряв равновесие, неуклюже растянулся на желтом речном песке.

– Сом, сом, большой сом! – донеслись звонкие мальчишеские голоса.

Он мгновенно вскочил на ноги, непроизвольно приоткрыв рот от удивления и восторга: в широкой мотне бредня, ближе к его противоположному концу, неуклюже и важно ворочался гигантский буро-черный сомьяра.

«Пудов на десять—двенадцать, гнида речная, потянет!» – радостно отметил про себя Егор, и тут же в его мозгу раздался тоненький звонок, сигнализируя о наличии серьезной и гадостной опасности...

Могучая и сытая рыбина, решив бороться за свою жизнь до самого конца, неожиданно взвилась вверх, одновременно распрямляясь – подобно стальной разжавшейся пружине. Раздался звонкий и недобрый шлепок...

Это широченный сомовий хвост встретился с головой юного царевича. Через доли секунды тело мальчика – с громким всплеском – упало в темную речную воду...

«Он же плавать совсем не умеет! – похолодел Егор, мгновенно бросаясь в воду. – А еще от такого удара Алексей и сознание мог запросто потерять...»

Егор нырял раз за разом, неустанно шаря руками по каменистому дну, надеясь, что Бог все же есть на этом свете, и этот всемогущий Бог – непременно добр и милостив к чадам своим...

– Данилыч! – сквозь всплески воды долетел до него чей-то громкий голос. – Данилыч, вылезай, здесь царевич! Спасли уже!

Егор, отфыркиваясь и отдуваясь, выбрался на берег. В трех метрах от него стоял мокрый – до последней нитки но улыбающийся царевич, плечи которого крепко обнимал стоящий перед ним на коленях Петр. Широкое лицо царя было мертвенно-бледным, щеки, покрытые густой трехдневной щетиной, мелко и беззащитно дрожали...

– Все уже хорошо, дядя Саша! – бодрым голосом сообщил Алексей, болезненно потирая свою сильно покрасневшую правую щеку. – Меня Гаврюшка спас! Ловко схватил за шиворот и вытащил! Молодец – Гаврюшка, хвалю! – вымолвил торжественно, явно подражая отцу.

– Да чего там! – скромно пробормотал стоящий рядом с царевичем Бровкин-младший, также весь мокрый и дрожащий. – Мы – завсегда готовы, со всем нашим прилежанием и удовольствием...

Тут же развели еще один серьезный костер, между кострами сложили рядком несколько камзолов, промокших и замерзших мальчишек раздели догола, уложили на камзолы и тщательно растерли – холщовой рубашкой Алешки Бровкина, слегка смоченной анисовой водкой.

– Я решил! – неожиданно объявил царь. – Назначаю Бровкина Гаврюшку – охранителем царевича Алексея! Пусть отрок шустрый сей – всегда будет при моем сыне. И помогает ему – денно и ночью, как мне помогает – мой верный охранитель, генерал-майор Меньшиков, пэр Александр! Есть у тебя, Алексашка, перья, бумага и чернила? Тогда завтра же утром напишу Указ про то...

– Пусть кто-нибудь из вас сходит в мой дом и принесет для ребятишек сухую и теплую одежду! – обратился Егор к своим сотрудникам. – Ну и на меня прихватите что-нибудь. Да,

ребята, моей жене и царевне Наталье не надо всего рассказывать! Поведайте, что просто баловались, брызгали водой друг на друга, вот и промокли немного.

– Еще, орлы охранные! – вмешался низким басом князь-кесарь. – Захватите там пару шкур медвежьих или лосиных – на худой конец. Холодает что-то... Да и лишнюю рыбку заберите с собой, отдайте Александре Ивановне, она уже распорядится, что да как с ней делать дальше...

Вечерело. Малиновое, слегка продрогшее солнце медленно и задумчиво клонилось к линии горизонта, уверенно вступал в свои права русский осенний закат.

Наваристая уха давно уже была съедена, анисовая водка, как, впрочем, и тминная, выпита. Князь-кесарь Ромодановский и генерал фон Зоммер мирно посапывали рядком, завернувшись в большую медвежью шкуру, царевич Алексей и Гаврюшка пускали по речной глади «блинчики», любясь закатным заревом, Алешка Бровкин и Василий Волков увлеченно дулись в картишки, охранные сотрудники тщательно бдили – чуть в стороне, как им и положено...

А Петр и Егор, полулежа на темно-серой лосиной шкуре, продолжили свой утренний разговор, прерванный важными делами рыбацкими. Только не сразу, а сделав небольшое отступление – чисто ботанического характера.

– Я не ошибся, случаем, в уху-то – картошка была добавлена? – чуть насмешливо спросил царь. – Откуда, любезный охранитель?

Егор смущенно передернул плечами:

– Так из славного города Амстердама, мин херц! Тот мешок, что шкипер английский презентовал тогда – герру Лефорту, – я себе прибрал. А что? Никому было не надо, я и определил его – по назначению... Посадили, правда, только в самом конце июня месяца, так и собрали уже в октябре. Нормальный урожай получился, «сам-шестнадцать» называется.

– Как это – «сам-шестнадцать»? – не понял Петр.

– Да обычно совсем. С мешка посадочных клубней получилось шестнадцать полных мешков урожая.

– Неплохо, неплохо... Только теперь уже картофеля не закупить через Митаву, как планировали ранее. Война ведь! Продашь мне в Преображенское, господин генерал-майор, пару тройку мешков – на семена? – лениво и чуть насмешливо поинтересовался Петр. – Сто гульденов заплачу – за один мешок! Ну сто пятьдесят, так и быть...

– Какие деньги, государь, между нами? Так забирай, мин херц!

Помолчали, меланхолично наблюдая за розово-сиреневыми углями костра.

– Значит, Алексашка, предлагаешь военную кампанию начать уже в этом феврале? – вкрадчиво и заинтересованно спросил царь.

– Необязательно, мин херц, в феврале, можно и в начале марта... Главное, чтобы по снегу и холоду! – очень серьезно ответил Егор. – И не то чтобы полновесную военную кампанию, а несколько вылазок бесшабашных и дерзких, но очень и очень болезненных – для шведского противника.

– Подробней излагай, охранитель! Без тумана этого...

– Хорошо, без тумана – так без тумана! Предлагаю: в срочном порядке преобразовать полк Преображенский, коим мне поручено командовать, в дивизию небольшую, состоящую из четырех полноценных полков. Каждому из которых – на конец зимы и на весну – будут поставлены отдельные боевые задачи.

– Эк как ты, милоч, словами сыпать научился! – хмельно восхитился Петр. – Дивизию, говоришь? Это – как в европейских армиях?¹² Можно и дивизию, дело-то нехитрое... Но сперва поведай мне подробно и доходчиво – об этих задачах боевых! Понравится, так и будешь

¹² Дивизии – как полноценные воинские части – в русской армии возникли одновременно с началом Северной войны.

командовать дивизией. Какие трудности? Давай, излагай, Алексашка, я весь – сплошное внимание...

Егор достал из кармана камзола загодя набитую табаком трубку, раскурил ее от горячей веточки, вынутой из ленивого костерка, затянулся несколько раз, с удовольствием выпуская в небеса клубы ароматного дыма, после чего принялся неторопливо излагать свой нехитрый, но многозвенный план:

– В Северных Европах не принято воевать зимой. Все войска отходят на зимние теплые квартиры, там и пережидают снега и холода, даже артиллерию полевую размещают в специальных амбарах, жерла пушек, мортир и гаубиц усердно смазывают толстым слоем гусиного жира. Вот и надо воспользоваться обстоятельством этим! Лазутчики покойного герра Франца докладывают в своих многочисленных записках, что на зиму предстоящую корпус шведского генерала Шлиппенбаха, что призван оберегать всю Ливонию, расположится стационарным лагерем на мызе Эрестфер, под городком Дерптом. Вот я и думаю: подойти незаметно к той мызе двумя полками – с тремя десятками легких пушек, закрепленных на санях. Первый полк пусть состоит из пеших солдат, одетых в теплые овчинные полушубки и валенки, половина бойцов будет также ехать на санях, а другая – передвигаться пешим строем. Ну, время от времени, они будут меняться местами, чтобы не замерзнуть в зимнем пути. А второй полк – пусть будет конным. Но не драгунским, а составленным из диких черкес, калмыков и татар. Под Долгопрудным стоят их части, я туда заезжал недавно. Отличные ребята, холодов и дальних походов зимних совсем не боятся. Да и лошадки у них славные: низенькие, лохматые, приученные шустро скакать через снега и метели... Вот, значит, подойдем мы к Эрестферу по ночной темноте, выставим пушки. А поутру, благословясь, и начнем воинскую потеху! У Шлиппенбаха-то вся артиллерия будет стоять по амбарам, совсем не пригодная к стрельбе. Наши же мортиры будут палить картечью и зажигательными гранатами – по конюшням и прочим строениям. Загодя попробуем выяснить, предварительно заслав опытных разведчиков, где у Шлиппенбаха этого расположены пороховые погреба... Паника начнется бестолковая, я черкес и калмыков туда пошлю, пусть повизжат немного, дополнительно страха нагоняя на неприятеля. Шведские солдаты будут сонными, отвыкшими за долгое зимнее сидение от жарких схваток. Опять же, все неожиданно произойдет, внезапно... Должно получиться, мин херц, обязательно – должно!¹³

– Хорошо придумал, Алексашка! – одобрительно усмехнулся Петр. – Поздней зимой все служивые – от солдата до генерала – действительно, как мухи сонные, ленивые. А тут орудья канонада гремит, пожары бушуют повсюду, башкиры и татары злобно визжат... Красота, одним словом! Паника такая будет – мама не горюй! Если, конечно, удастся к той мызе незаметно подойти... Все равно молодец, соображаешь! И я в этом деле веселом непременно поучаствую. Рассказывай про свою вторую задумку. Да покурить-то оставь, жада бесстыжая!

Егор протянул царю лениво дымящуюся трубку и продолжил:

– Известно – все из тех же лефортовских записок, мин херц, что в Чудском озере уже два года совершенно бессовестно разбойничает большая шведская эскадра – под флагом подлого командора Лешерта. Без зазрения совести грабят русские деревни и мызы, расположенные по восточному берегу озера, не позволяют рыбу ловить, даже к Пскову подходят иногда, палят из пушек, уроды, скалятся. Почему только изредка шведы подходят к Пскову? Так Псков-то стоит на Псковском озере, которое соединяется с Чудским – узким и коротким проливом. А пролив всегда и перекрыть можно, поставив на его берегу несколько дельных пушек... Поэтому командор Лешерт сильно и не наглеет. Пока, по крайней мере... Но так уж получилось, что озеро Чудское – исконно русское, ныне превратилось в шведскую вотчину. Надо кончать с этим!

¹³ Успешная зимняя диверсия русских войск (под командованием генерала Бориса Шереметьева) на мызе Эрестфер была по-настоящему осуществлена в феврале 1702 года, по другим версиям – в декабре 1701-го.

– Слышал я про эти дела, причем неоднократно! – попыхивая трубкой, согласился Петр. – Одного понять не могу: откуда сия эскадра объявилась в озере? Речка Нарова-то – не судоходна, я это видел собственными глазами.

– Большинство судов шведы по весеннему разливу Наровы на крепких веревках перетаскивали, подкладывая в мелких местах под корабельные днища бревна круглые, сосновые, а шняги озерные уже построили на месте – на временных летних верфях. Так вот, мыслю я всю эту вражескую эскадру перевести под русскую руку!

– Ну и как мыслишь?

– На якоря посредине Чудского озера не встанешь, там глубины очень большие. Следовательно, эскадра шведская на ночь становится совсем недалеко от берега. Люди герра Франца докладывают, что у командора Лешерта на озере имеются две любимые стоянки: устье речки Эмбаха, что находится на западном берегу, и – на севере-востоке – исток Наровы, недалеко от того места, где эта река вытекает из Чудского озера. К Эмбаху, на западный берег, пока не стоит соваться: можно со стороны Юрьева, то есть Дерпта, получить подлый удар в спину. А вот северо-восточный берег – место куда как удобное... По поздней весне на Чудском озере много бывает тихих и безветренных ночей. Вот этим и необходимо воспользоваться...¹⁴

Через пятнадцать минут, когда все основные детали предстоящей «озерной» операции были обговорены, царь властно потребовал:

– Рассказывай, Алексашка, о третьем плане, не томи! Тоже составлен по донесениям лефортовских шпионов?

– Никак нет, мин херц! Это уже – собственные задумки... Помнишь Семена Ростова, которого ты поставил начальствовать над воинским гарнизоном Старой Ладogi?

– Как не помнить? – радостно усмехнулся Петр. – Единственный одноногий воевода – на всю Россию-матушку! Что, есть новости от него?

– Есть! А помнишь, государь, того офицера – русского по рождению, что служит в шведской крепости Ниеншанц?¹⁵ По моей просьбе Семка Ростов к Ниеншанцу послал одного шустрого стрельца, переодев его под обычного коробейника – со всякой мелочью, полезной в крестьянском хозяйстве. Стрелец же разговорил – под дело хмельное – местных чухонцев из рыбацких деревенок Коргиссари и Конау, что расположены на островах невского устья, все вызнал про офицера-предателя. Новгородским он оказался, по прозвищу Прохор Погодин. Отец и мать его живы, братья и сестры имеются, жена с детишками. Все они живут отдельным хутором, верст восемь—десять севернее града Новгорода. На те деньги подлые, что зарабатывает Прохор в шведском услужении, семейство Погодиных себе завело целое коровье стадо, мельницу сладили небольшую, пасеку крепкую... Жируют, гады, короче говоря! Так что теперь – сам Бог велел: взять этого Погодина Прохора, да и все это семейство, жадное до денег, в серьезный оборот...

Через неделю царевич Алексей, Гаврюшка – его персональный охранитель, царевна Наталья и Василий Волков (куда же без него?) отбыли обратно на Москву.

– Я, дядя Саша, еще бы задержался в твоей славной Александровке, порыбалил бы разок-другой... Да вот – навалились дела! – совершенно по-взрослому, доходчиво объяснил Егору царевич. – Договорились мы ранее с мастером Картенем Брандом начать занятия по математическим хитрым наукам с определенного дня. Нехорошо это: слово данное нарушать, опаздывать! Не по-царски...

¹⁴ Эскадра командора Лешерта была по-настоящему захвачена русским десантом в 1704 году. Во время описываемых событий шведы только еще готовились к широкомасштабным действиям в Чудском озере.

¹⁵ Документально подтверждено, что в шведской крепости Ниеншанц на службе состояли и русские. Существует версия, что в 1703 году крепость сдалась практически без боя, благодаря, в том числе, и этому факту.

И двух суток не прошло с того момента, как отбыл на Москву конный поезд царевича Алексея, как в Александровке объявился новый дорогой и желанный гость – Яков Брюс, друг верный, приятель закадычный.

– Яшка! – заключил Егор друга в свои крепкие объятия. – Как я рад тебе! Сколько же мы не виделись с тобой? Почитай – полгода?

– Да, что-то около того, – холодным и невозмутимым голосом ответил Брюс, неловко отстранился, вежливо поклонился подошедшей Саньке: – Александра Ивановна, мое вам почтение! Как драгоценное здоровье детишек ваших? Не болеют ли? – Не дожидаясь ответов на свои вопросы, монотонно продолжил, глядя куда-то в сторону: – Где сейчас Петр Алексеевич? Баню жаркую решил протопить? Извините, дорогие друзья, но мне надо срочно к государю: незамедлительно доложить о своем приезде...

Брюс, высоко вздернув голову, украшенную длинным угольно-черным париком, шагая широко и размеренно, удалился в сторону хозяйственных пристроек.

– Что это было? – опешил Егор, вопросительно глядя на жену. – Вернее, кто это был? Яша Брюс, мой лучший друг? Да нет же, не верю! Саня, ущипни меня – чтобы проснуться... Ой, зачем же так сильно?

– Ну извини, милый! – Санька нежно чмокнула его в щеку. – Сам же просил. Да, а с Яковом, определенно, творится что-то не то, словно бы подменили человека... Может, он просто устал с дороги? Ничего, сейчас попарится с вами в жаркой баньке, глядишь и отгадет. Саш, я тебе уже и белье собрала чистое, корзинка вон – стоит в сенях. Прихвати ее и иди, пообщайся с другом своим...

Петр очень любил париться в русской бане и – когда было свободное время – сам же баню и протапливал, замачивал веники, заваривал всякие целебные настои из лечебных свежих и сушеных трав.

Вот и в этот раз царь – потный и раскрасневшийся, единолично властвовал на банном пространстве, отогнав в сторонку всех денщиков и охранных сотрудников.

Когда Егор, зажав в ладони ручку плетеной ивовой корзинки – с чистым бельем и толстой льняной простыней-полотенцем, зашел в просторный предбанник, то краем уха услышал обрывок разговора Петра с Брюсом – через приоткрытую дверь в парное отделение, над которой вился серый дым, исчезая в специальном люке, вмонтированном в потолок предбанника.

– Значит, сердечная рана у тебя, Яша? – мягко и понимающе спросил царь. – Потому и хмур так, непохож на самого себя? Прячешься от всех?

– Извини меня, государь! – послышался равнодушный, какой-то неестественный и притворно виноватый голос Брюса. – Получилось вот так! Забыли меня предупредить, что все польские женщины, без исключения, сколь прекрасны – столь же непостоянны и ветрены...

Егор костяшками пальцев постучал по дверному косяку, предупредительно кашлянул пару раз, спросил громко:

– Господа высокородные, я вам не помешаю? Может, у вас тут секретные разговоры?

– Заходи, охранитель, заходи! – добродушно разрешил Петр. – Какие могут быть секреты от тебя? Все равно – разнюхаешь и визнаешь, коль захочешь...

На одном большом бронзовом гвозде, вбитом в бревенчатую стенку предбанника, висела царская одежда, на другом – дорожный камзол и черный парик Брюса. Егор поставил на широкую скамью свою корзинку, разделся догола, повесил свои вещи на третий гвоздь, через узкую дверную щель проскользнул в парилку.

Баня топилась по-черному, поэтому находиться в парном отделении во время протопки можно было только сидя на корточках. В топке еще жарко горели березовые сухие дрова, в широком бронзовом котле, вмурованном в тело печи, лениво кипела вода, голый Петр ковшиком на длинной ручке осторожно черпал из котла кипятки и разливал его по медным (с деревянными ручками) тазикам, в четырех из которых лежали березовые и дубовые веники,

предназначенные для замачивания. Яков – в штанах и расстегнутой на груди холщовой рубаше, нещадно обливаясь потом, усердно крошил руками еще в четыре медные емкости пучки сухих трав.

– Чистотел, пустырник и зверобой! – важно пояснил царь. – Настой сей здорово помогает от подлого кожного зуда. Это меня Никита Зотов научил, еще в детстве... Яшка, иди разденься, тебя пока Данилыч подменит!

– Не, Петр Алексеевич, не настроен я сегодня посещать баню, – усталым и равнодушным голосом сообщил Брюс. – Устал что-то с дороги, спать, наверное, завалюсь...

– Не смей мне возражать! – прикрикнул царь. – Тоже – завел моду: хочу не хочу... Я приказываю – париться тебе с нами сегодня! Хватит уже – нос воротить от старых друзей! Иди-ка, дружок, в предбанник, раздевайся и снова принимайся за сухую траву. А Алексашке, то есть – знатному сэру Александэру, я дам другое важное поручение...

Яков, непонятно вздохнув, ушел, Петр заговорщицки подмигнул Егору:

– Вот, прекрасная и коварная графиня польская – разбила Яшкино бедное сердце! Переживает теперь наш приятель рыжий... Спасать надо бродягу! Ты уже разделся? Напрасно, одевайся и чеши-ка, охранитель мой верный, на кухню, прихвати побольше хмельного. После парилки – выпьем слегка, разговорим Брюса, утешим...

Было слышно, как в предбаннике что-то громко стукнуло, потом зашуршало.

«Это Яшка приставил табурет к дальним антресолям, где под рогожей хранятся использованные веники (ими под самую зиму обкладывают корни молодых слив и вишен), и что-то прячет там, – уверенно определил внутренний голос. – Надо будет обязательно пошарить там! Может, и прояснится истинная причина Брюсовой печали...»

Когда Егор – с десятилитровым бочонком медовухи на плече – выходил из кухни, то нос к носу столкнулся с собственной женой, пришедшей отдать последние распоряжения касаемо позднего (по случаю мужского банного дня) обеда. Выслушав душещипательную историю о легкомысленной польской графине, по чьей вине Брюс пребывал в смертельной тоске, Санька только недоверчиво покачала головой и безапелляционно заявила:

– Врет все этот ваш рыженький! Как последний сивый мерин!

– Как это – врёт?

– А вот так, мой миленький! Когда у человека терзания сердечные, то у него совсем другие глаза. А у Якова – холод какой-то внутри, пустота. Глаза – равнодушные такие, мертвые... Что-то здесь не так, Саша! Ты уж мне поверь, женский глаз, он приметливый в таких делах, верный...

Парились они вшестером: Петр, Егор, Алешка Бровкин, князь-кесарь Федор Ромодановский, генерал фон Зоммер и Яков Брюс. Поддавали, веселились, по очереди – от души – хлестали друг друга замоченными в крутом кипятке березовыми и дубовыми вениками.

Первым дружную компанию решил покинуть тучный и полнокровный князь-кесарь, выдохнув устало:

– Стар я уже, братцы любезные. А вы, черти, поддаете уж очень чрезмерно, – попросил Бровкина: – Алешенька, помоги уж старику хилому добрести до хозяйского особнячка. А то голова кружится чего-то...

Ромодановский с трудом оделся и, вежливо поддерживаемый под локоть Бровкиным, удалился неверной походкой к дому.

Вторым из коллектива выбыл Теодор фон Зоммер. Старенький генерал – не большой любитель банных утех, посетил жаркую парную только один раз, после чего полностью переключился на медовуху. Он как-то быстро и незаметно захмелел, загрустил и, в конце концов, благополучно уснул, пристроившись на широкой скамье предбанника – ближней к выходу на улицу.

Когда Петр и Брюс, распаренные докрасна, неуклюже побежали голышом к ближайшему пруду – немного охладиться и вволю поплескаться, Егор взобрался на высокий табурет, приставленный к дальним антресолям, наугад пошарил рукой под рогожей, нащупал какой-то непонятный продолговатый предмет, вытащил, тщательно осмотрел. Предмет оказался маленькой прямоугольной коробочкой, обшитой темно-синим бархатом. Он нажал на крохотный бронзовый рычажок, приделанный сбоку, крышка приоткрылась. Егор с удивлением положил на правую ладонь крохотный золотой (или же только позолоченный?) циркуль, повертел его перед глазами, непонимающе пожав плечами, положил циркуль обратно в коробочку, защелкнул крышку, аккуратно запихал коробку под рогожу, спрыгнул на пол, отставил табурет далеко в сторону.

Оставшаяся троица еще немного попарилась, после чего приступила к распитию крепкой медовухи – под рассказы Брюса об его впечатлениях европейских. Яшка немного оттаял (как Санька и предсказывала), с удовольствием рассказывал о приобретенных ученых книгах и брошюрах, о многочисленных встречах с разными образованными и ужасно умными людьми. Неожиданно выяснилось, что никто не догадался захватить с собой табак и курительные трубки.

– Алексашка! – строго велел Петр. – Давай не ленись, сбегай и принеси, курить очень уж хочется! Ты же здесь хозяин? Знать, тебе и бежать...

Егор, одевшись наспех, неторопливо пошел в сторону дома. Шел и думал: «Как-то совсем не верится, что Якову этот циркуль подарила его ветреная варшавская прелестница. Да он явно и нерабочий, в том плане, что им чертить совершенно невозможно. Так, безделушка, обычный сувенир – на память... Вот еще, многие исторические документы, которые мне довелось просматривать в Учебном центре международной организации „SV“ – в далеком двадцать первом веке, однозначно говорят о том, что на каком-то этапе своей долгой и многотрудной жизни Яков Брюс вступил в масонское братство. Может, с этим и связаны нынешние Яшкины странности? Что мне известно про масонов? А практически и ничего! Что-то там было про вольных каменщиков – у Бориса Акунина – в книге „Внеклассное чтение“... Тайный орден – с совершенно непонятными конечными целями и задачами. Внешние атрибуты, символика? Кажется, строительный мастерок, чертежный циркуль, что-то там еще... Циркуль!!! Ну ладно, допустим, что Брюс стал „вольным каменщиком“. Это что, плохо? Совсем и не факт! Одно только смущает: каждый брат ордена масонского – обязан беспрекословно выполнять приказы других своих братьев, чей ранг (градус – по-ихнему) выше. Что там Яшке его старшие братья по ордену могут приказать? Неизвестно! То-то и оно...»

Он прошел через сени, поднялся по широкой лестнице на второй этаж, где располагалась их с Санькой супружеская спальня, из специального ларца достал три голландские курительные трубки, мешочек с английским табаком, подошел к окну. До бани было метров триста, недалеко от ее двери, на улице, виднелись две светлые фигуры. Егор положил курительные причиндалы на стол, взял со стеллажа подозрную трубу.

«Чего это они выскочили на улицу? Взгляни-ка!» – забеспокоился внутренний голос.

Петр, небрежно завернутый в белую холстину, тяжело отдуваясь и морщась, сидел на низенькой скамейке и болезненно поглаживал грудь – с левой стороны. Брюс же – уже в штанах и светло-розовой рубашке, видимо, от нечего делать, пытался большим острым топором расколоть толстую березовую чурку.

– Городской, что с него возьмешь! – усмехнувшись, пробормотал Егор. – Вон же, рядом совсем, лежит бронзовый колун...

Неожиданно – в окуляре подозрной трубы – лицо царя перекосила гримаса животного страха. Петр резко вскочил на ноги и начал медленно, неуклюже пятясь задом, отступать к банной двери, неожиданно споткнулся о березовый чурбак и неуклюже упал на спину...

– Что еще такое? – Егор мгновенно перевел подозрную трубу в сторону.

Со стороны темно-зеленого леса к хозяйственным постройкам приближался – короткими прыжками – матерый волк: седая морда – в клочьях розовато-белой пены, страшный оскал желтых зубов. От царя зверя отделяло метров шестьдесят—семьдесят.

«Ерунда! – заверил внутренний голос. – У Брюса-то – топор в руках, отобьется!»

Егор еще раз перевел подзорную трубу: Яков застыл на месте, улыбаясь странно и как-то облегченно, а потом – неуловимым движением – отбросил топор в сторону...

Глава пятая

Похищение царевича Алексея¹⁶

Егор положил на стол – рядом с курительными принадлежностями – уже бесполезную подозрную трубу, двумя скупыми движениями распахнул створку окна, выхватил из походной седельной сумки, висевшей на спинке стула, двустольный пистолет саксонской работы, выстрелил – одним стволом, через открытое окошко, громко прокричал:

– Тревога! Все – к бане! – после чего запихнул пистолет за широкий пояс штанов, ловко перебросил ноги через подоконник, крепко держась за него пальцами рук, спустил тело вдоль стены и, разжав пальцы, упал на землю, перекувырнулся через голову, вскочил на ноги и изо всех сил припустил к хозяйственным постройкам.

Впереди мелькала чья-то широкая спина.

«Это – Алешка Бровкин! – опознав спину, обрадовался внутренний голос. – Он тебя опережает метров на сто двадцать! Прибавь, братец!»

Вот и баня. Голый Петр, потерявший где-то прикрывающую его ранее холстину, неподвижно сидел на высоком банном пороге: белое лицо, круглые от страха глаза трясущиеся щеки... Но, однозначно, жив, здоров и даже не покусан! Брюс безвольно, глядя прямо перед собой невидящими глазами, сидел на колоде для рубки дров, устало свесив длинные руки между худых коленей, только вот топор бесследно исчез.

Егор обернулся на полкорпуса: в десяти—двенадцати метрах от бани обнаружилась серая обезглавленная тушка волка, окровавленный топор, собственно отрубленная волчья голова и Алешка Бровкин, поддерживающий за безвольные плечи худое старческое тело.

– Как же так, генерал? – сглатывая слезы, спросил Бровкин. – Как же это – Теодор?

Ответом Алешке был только тяжелый хрип, полный смертельной тоски, и странное противное бульканье...

Властно и однозначно махнув рукой подбежавшим сотрудникам своей Службы в сторону царя (знак означал: заниматься только данным объектом и в другие дела пока не вмешиваться!), Егор, обойдя стороной мертвого волка, отсеченную голову и окровавленный топор, присел на корточки рядом с фон Зоммером, спросил негромко:

– Что со стариком, маркиз? Жить-то будет? Алешка отрицательно помотал светло-русой (без парика) головой:

– Куда там – жить, командир! Искусан он весь, горло порвано, кровью истекает, кончится, наверняка, минут через семь—десять... А даже и уцелел горло, то и это не помогло бы: волк-то – бешеный... Это что же получается, Данилыч? Генерал проснулся – то ли от твоего выстрела, то ли от крика Петра Алексеевича, выбежал на улицу, увидел волка и сразу – с голыми руками – прыгнул на зверя, заслонил государя своей грудью?

– Наверно, так все и было... Топор-то ты подхватил от колоды?

– Я! А Яшка, сукин кот, все так и сидел – каменным истуканом, даже не дернулся на помощь, бесстыжая морда...

Егор в двух словах поведал Бровкину об увиденном им через окуляры подозрной трубы.

– Даже так? – возмущенно выдохнул Алешка. – Облегченно улыбнулся и отбросил топор в сторону? Вот же – гадина! Арестовываем?

Опять тоскливо захрипел умирающий фон Зоммер...

– Я один справлюсь! – решил Егор. – Ты, Алешка, здесь оставайся, утешь генерала перед смертью – чем сможешь, глаза ему потом прикрой... Да, ты же моток веревки всегда таскаешь

¹⁶ Похищение царевича Алексея – авторский вымысел.

с собой! В правом кармане? Ага, нащупал. Все, я пошел! Прощай, герр Теодор! Извини, если было что не так...

Царя охранники определили обратно в баню: обмыть от грязи, а может, и еще немного попарить вениками, ведь общеизвестно, что русская парилка – она знатно нервы успокаивает, восстанавливает силы... Но кто-то из охранных сотрудников незримо был где-то рядом, спрятавшись – в соответствии с инструкциями, разработанными на такой нестандартный случай.

«Поздно они взялись инструкции выполнять! – въедливо заметил внутренний голос. – Раньше надо было выставлять скрытые посты! Да, братец, прокололась в этот раз твоя хваленая Служба! Есть еще над чем работать...»

Брюс все еще пребывал на березовой колоде, изображая собой невинную куклу, беспрестанно изучая своими немигающими глазами местную неровную линию горизонта. Рядом с Яшкой стоял его денщик – белообрый псковский парнишка и, размахивая худыми руками, уговаривал хозяина пойти к дому.

– Как звать? – хмуро поинтересовался подошедший Егор.

– Фролкой кличут! – чуть испуганно доложил денщик и пожаловался: – Вот, господин Брюс – не хотят уходить, словно бы уснули...

– Молчать! – распорядился Егор. – Нож есть?

– Есть, как же без ножа...

– Молчать! Давай сюда нож! Теперь – кругом! Руки – завести за спину! Молчать!

Оперативно разрезав Алешкину веревку на четыре равных куса и воткнув нож в землю, Егор за несколько секунд связал Яшкиному денщику руки, ловкой подсечкой сбил его на пожухлую осеннюю траву, крепко связал ноги, медленно подошел к Брюсу, проговорил – с расстановкой:

– Ну, чего сидим? Кого ждем? Руки, дружок, завел за спину, ну! Быстро – завел! Глухой, что ли?

– Саша, ты что? – перевел на Егора свои несчастные глаза Брюс. – Я просто испугался очень сильно! И от того испуга – даже пошевелиться не мог! Есть ли вина в том? Я же твой друг, Саша...

– Считаю ровно до трех – потом бью – очень больно! Ты же меня знаешь... – честно предупредил Егор. – Раз... два...

Яков покорно поднялся на ноги, покладисто завел руки за спину, грустно подмигнул и медленно развернулся на сто восемьдесят градусов.

Покончив с руками, Егор крепко взял Брюса за шиворот рубашки, аккуратно уложил на землю и, надежно связав ему ноги, начал тщательно охлопывать карманы.

– Что ты задумал? – забеспокоился друг Яков.

– Молчи и не дергайся! – посоветовал Егор.

Он достал из левого кармана Яшкиных штанов темно-синюю бархатную коробочку, вынул из нее маленький ярко-желтый циркуль, поднес к глазам пленника.

– Ты знаешь, что обозначает сей предмет? – глухо и недобро спросил Брюс.

– Знаю, брат, очень даже хорошо знаю! – откликнулся Егор. – Это такой опознавательный знак, а может, просто символ...

– Молчи, ни слова больше! Молчи! – неожиданно прервал его Яков. – Нагнись ко мне, я шепну – парочку словечек.

– Ну?

– Оттащи в сторону моего денщика, чтобы он ничего не слышал... Разговор есть!

– Оттащил, дальше что?

– Ты начал говорить – про тайные знаки и символы. Продолжай!

– Опознавательный знак, он же – символ – ордена масонов, – скучным голосом поведал Егор. – Иногда они себя называют и «вольными каменщиками»... Чем эти деятели тайные

заманили тебя в свои уловистые сети? Наверное, пообещали неограниченный доступ к сокровенным и тайным знаниям? А, Яша?

– Не твое дело, лапотник безродный!

– Верно, совсем и не мое! – невозмутимо согласился Егор. – Но за все на этом свете, рано или поздно, приходится платить. Не так ли? Вот и с тебя попросили плату! Какой-то старший брат приказал тебе, псу паршивому, убить царя Петра. А у масонов приказы не обсуждаются, они – тупо выполняются! Вот ты и махал топором, якобы дрова рубил, все никак не решался государю заехать по башке. А тут волк бешеный выбежал из леса, ты и обрадовался: можно самому не марать ручек нежных... Не возражай! Я все это видел из окна спальни – в подзорную трубу...

– Имею конкретное предложение! – твердо и непреклонно заявил Брюс.

– Да ну? Излагай, слушаю внимательно!

– Ты забываешь все: и о «вольных каменщиках», и о топоре. Пусть на мне висит только обычная трусость...

– С чего бы это вдруг – мне укорачивать собственную память? – удивился Егор, предчувствуя недоброе.

– А с того самого! Не забыл, Александр Данилович, часом, о хитрых таблетках месье Жабо? О том, как ты свою жену, красавицу Александру, провел мимо постели Петра Алексеевича? А как же царское право на «первую брачную ночь»?¹⁷ Наш государь не поймет такой шуточки! Молчишь? Вот то-то же! Предлагаю еще раз: ты забываешь о масонском циркуле и о топоре, я – о хитрых таблетках. Лады?

– Лады! – после минутного молчания хмуро подтвердил Егор, обернулся к бане, позвал громко: – Эй, кто там есть? Ко мне, живо!

Из-за угла почерневшего сруба тут же выскочил шустрый парнишка в неприметной одежде, молнией метнулся к Егору, вытянулся в струнку:

– Поручик Солев Иван! Жду ваших приказаний, господин генерал-майор!

– Брат покойного Матвея Солева?

– Так точно, господин генерал-майор, младший!

– Что ж, Иван, это очень хорошо. Твой брат Матвей был весьма достойным и храбрым человеком, – одобрительно улыбнулся Егор. – Слушай, поручик, мой приказ! Собери сюда наших людей. Первое: необходимо помочь полковнику Бровкину (Алешке, по случаю получения им титула маркиза, царь недавно присвоил полковничье звание) во всем, что он скажет. Второе: этих двух – незамедлительно посадить под замок и приставить к ним надежную охрану. Дворянина Брюса – в пустующий амбар у паркового пруда, его денщика – в погреб за старым сенником. Обоих не развязывать ни в коем случае! Выполнять! – развернулся и быстро зашагал к дому: необходимо было хорошенько подумать обо всем случившемся, посоветоваться с женой...

Через два часа они сидели уже в светелке дома супругов Меньшиковых – все той же дружной банной компанией, – за исключением умершего фон Зоммера и арестованного Якова Брюса.

– Сдвинем наши чаши, други! Помянем покойного Теодора, славного генерала фон Зоммера! – предложил царь, уже полностью пришедший в себя.

Сдвинули, помянули, помолчали...

– Да, один за другим! – тяжело вздохнул князь-кесарь. – Сперва славный Лефорт навсегда ушел от нас, теперь вот – Теодор. Еще вот и полковник Яков Брюс знатно опростоволосился...

¹⁷ Эти события подробно описаны в романе «Страж Государя».

– Кстати, по поводу Брюса! – очнулся от своих тягостных раздумий царь и недовольно посмотрел на Егора: – Ты, охранитель, Яшку за что арестовал?

– За трусость, мин херц! Испугался он бешеного волка и выронил топор из рук! Еще и гримасу состроил при этом – странную какую-то... Я сам это видел – в подзорную трубу!

Петр зло стукнул кулаком по столу, недовольно покачал головой:

– Испугался – это плохо, конечно... Причем и не в первый раз! Помните, как Брюс грохнулся в обморок, когда ему приказано было отрубить голову стрельцу? А ты говоришь – гримасу... Да, трус Яшка законченный, хилак и полный слюнтяй! Гнать его надо из армии, к чертям свинячим! Но он же – и друг наш! Сколько всего было: и потехи армейские, и плотские, и попойки – веселые, бесконечные... Как позабыть об этом? Ладно, делаем так: я лишаю Якова звания полковничьего! Отныне он к армии у меня и близко не подойдет! Пусть занимается своими научными трудами, голову ломает – в лаборатории оружейной... Алексашка, иди и незамедлительно освободи нашего рыжего и ученого кота из-под ареста!

– Как скажешь, государь, твоя воля, – тяжело и неодобрительно вздохнув, не спеша, поднялся из-за стола Егор.

В коридоре громко простучали по деревянному полу чьи-то торопливые шаги, дверь широко распахнулась, и в светелку ворвался Василий Волков – в замызганном до невозможности кафтане, без треуголки и парика, с осунувшимся лицом и горящими глазами, выдохнул – потерянно и хрипло:

– Где?... Где Яшка Брюс? Где он?

– Здесь он, Вася, успокойся. Сейчас я его приведу, – ответил Егор, понимая, что случилось что-то страшное. – Да успокойся ты! Доложи четко – что произошло? Почему...

– Арестовать надо срочно Брюса! – невежливо перебил Егора Волков. – Срочно арестовать, пока этот злодей не сбежал! – испуганно зажмурился и бухнул: – Царевича Алексея – похитили!

В комнате установилась (повисла, посетила, поселилась – на краткий миг?) абсолютная тишина, было только слышно, как в дальнем углу зловеще тикают громоздкие напольные часы, купленные в Амстердаме.

Егор внимательно и обеспокоенно посмотрел на Петра: не приближается ли очередной нервный припадок? Но нет, царь, хоть и был смертельно бледен, но, похоже, пока не собирался пошло падать на пол и биться там в неаппетитных судорогах.

– Сказывай, подполковник! – грозно велел Петр, глядя на Волкова холодными и колющими глазами.

– А как же Брюс? Его же надо арестовать...

– Арестован уже сей враг! Присаживайся к столу, вот тебе – чарка перцовки, выпей, успокойся. До дна пей! И сказывай – четко, без спешки! Остальным – не перебивать Волкова! Если надо будет, то я ему вопросы сам задам...

Василий осторожно, стараясь не испачкать своей грязной одеждой скатерти, присел на самый краешек стула, выцедил, глотая с трудом, предложенную перцовку, икнул, тщательно обтер рот ладонью, начал докладывать – четко и доходчиво, как учили:

– На полдороге к Москве переночевать остановились в селе Воскресенском, там очень большой постоялый двор. Поужинали, рано легли спать. Царевич Алексей и Гаврюшка Бровкин – в отдельной комнате, к дверям приставили надежного драгуна – с двумя пистолетами и саблей. Рано утром меня Гаврюшка разбудил, мол, проснулся, а царевича в спальне-то и нет! Подождал он немного, пошел искать Алексея. Вышел в коридор, а у дверей – прямо на грязном полу – крепко спит драгун охранный... Попытался Гаврюшка его разбудить, а ничего и не получается! Тогда мальчишка бросился ко мне, разбудил, рассказал о пропаже. Я тут же всех своих людей поднял на ноги. Они заперли крепко ворота постоялого двора, всех постояльцев – включая денщиков – согнали в столовый зал, объявили арестованными. Начали тщательный

розыск: допросили всех гостей, их слуг, хозяев двора постоялого, халдеев, поваров, всех прочих... Кузнец, у которого кузня прямо при постоялой конюшне расположена, вспомнил, что когда он поздней ночью сидел-выпивал со своим подмастерьем у невеликого костра, то мимо проходил – к воротам двора, какой-то важный кавалер, ведущий за руку мальчишку. В свете костра кузнец смог рассмотреть только карий парик и рыжие усики того кавалера. Я сразу тогда подумал о Брюсе, да засомневался сильно: откуда ему взяться в Воскресенском? Тут и Бровкин-младший вспомнил, что еще перед самым ужином царевич о чем-то коротко переговорил – с неизвестным ему, Гаврюшке, рыжеусым дворянином. На вопрос «Кто это такой?» Алексей ответил, мол: «Один очень хороший друг...» У хозяина постоялого двора была заведена, как и полагается, гостевая книга, где он отмечал всех своих постояльцев: имя-фамилия, куда следует и откуда. Полистал я ту книгу:

точно, вот же он – полковник Яков Брюс! Следует из своей деревеньки подмосковной в село Александровское, куда и отбыл ранним утром – согласно сделанной записи. Это хозяин постоялого двора записал со слов кучера, сам-то Яшка с трактирщиком даже разговаривать не стал, сразу послал по матерному и пригрозил все зубы пересчитать. Только глазастый трактирщик клялся и божился, что он лично наблюдал за отъездом сего важного гостя, и уверял, что никакого мальчика не было при этом, один уселся Брюс в свою карету. Уселся и велел кучеру – следовать без остановок – на Александровку... Я тогда сразу смекнул – что к чему! Ночью Яшка подло выманил царевича из его комнаты. Наверно, пообещал показать что-то очень интересное, Алексей-то у нас – очень уж любопытен. Брюс вывел царевича за ворота и сдал на руки своим подлым сообщникам, которые и увезли Алексея – в неизвестном направлении... Я сразу в Александровку поскакал верхом – чтобы быстрее. Гаврюшка с драгуном – на одном коне – тоже следуют сюда, только отстали немного...

– А где Наталья, сестра моя? С ней-то, надеюсь, все в порядке? – спросил царь, устало прикрыв глаза ладонью.

Волков чуть смущенно улыбнулся:

– Я Наталье Алексеевне советовал, чтобы она возвращалась на Москву. Да где там, такую попробуй удержи! – восхищенно вздохнул. – Вместе с драгунами царевна на запад поехала – искать царевича и его неизвестных похитителей... Петр Алексеевич, государь! – словно что-то вспомнив, обратился к царю: – Так чего же мы ждем, коль Брюс здесь? Допросить его, вражину подлую, срочно надо!

Петр поднялся на ноги, внимательно посмотрел на Егора, спросил – холодным и одновременно страшным голосом:

– Кнуты хорошие найдутся у тебя, охранитель? Клещи путные? Прутья длинные, металлические?

– Кнуты найдутся, – ответил Егор. – А клещи и прутья возьмем из кузни...

– Вот и тащи все это – к месту, где Яшка сидит сейчас! Пусть меня проводят туда и костер разожгут – пожарче... А ката умелого ты, душа нежная, наверное, и не удержишь в своей вотчине? Напрасно, братец! Ладно, я сам справлюсь...

У открытых дверей амбара горел невысокий веселый костерок, над пламенем которого царь старательно нагревал лезвие большого крестьянского серпа, обнаруженного, очевидно, в самом амбаре.

– Мин херц, все просимое тобой доставлено! – хмуро сообщил Егор, складывая у костра клещи – самых различных размеров, и железные прутья – разной длины и толщины.

– Молодец, Алексашка! Поможешь?

– Может, мин херц, я лучше пока допрошу Яшкиного денщика, чтобы времени не терять? Он у меня содержится отдельно...

– Дельно, охранитель, дельно! – одобрил Петр. – Может, и всплывет чего интересное! Действуй! О, Гаврюшка! – обрадовался царь, завидев мальчишку, слезавшего – с помощью усатого драгуна – со смертельно усталого коня. – Иди-ка, отрок, сюда! Да не бойся ты, не буду я тебя казнить сегодня за твой недогляд. И ругать даже не буду. Просто посмотришь на одного человека – с рыжими усами. Вдруг да и узнаешь его...

Егор, подбадривающе потрепав по щеке Бровкина-младшего, пошел, прихватив с собой самые большие клещи, к погребу, где содержался арестованный денщик.

У дверей погреба бдительно дежурили два его вооруженных – немецкими пистолетами и широкими саблями-палашами – сотрудника: Иван Солев и неизвестный Егору высокий костистый юнец с жидкими черными усами.

– Здорово, Иван! – коротко кивнул Егор Солеву и вопросительно посмотрел на его напарника.

– Поручик Никита Апраксин! – понятиливо представился черноусый юнец.

– Кто отец?

– Петр Матвеевич Апраксин, комендант северной крепости Ямбург!

Егор одобритительно хмыкнул и приказал:

– Значится так, Иван и Никита! В деревянные стены погреба надо надежно вбить бронзовые костыли, к коим и привязать пленного – за руки и за ноги. Распять его на стене, короче говоря. Полностью раздеть. При этом с денщиком особо не церемониться, можно и по наглomu лицу наступать немного... Все, надеюсь, ясно? Тогда – выполняйте...

Дождаясь, когда его приказ будет выполнен, он присел на низкую завалинку, раскурил свою трубку, попытался привести мысли в относительный порядок: «С какой целью неизвестные похитили царевича Алексея – сейчас и неважно... Главное – необходимо как можно быстрее найти и освободить мальчишку! Как было дело? Бесспорно, кто-то отдал Якову приказ: ночью вывести мальчишку за ворота постоянного двора. Там его связали, усадили в карету, увезли... Куда? Вот это – вопрос! А если Брюс и под жестокими пытками не расскажет: кто да что? Масонская клятва – это и не шутка совсем... Да нет, расскажет, конечно же! Под пытками – все расскажет. Только, скорей всего, не сразу, а только когда все силы оставят его. А времени-то лишнего у нас и нет! Тут, непременно, надо придумать что-нибудь такое – хитрое...»

Тоненько скрипнула низкая дверь погреба, наружу выбрались Солев и Апраксин.

– Александр Данилович, господин генерал-майор! Все готово! – браво доложил Никита, который оказался старшим в этой паре. – Арестованный тщательно обработан и с нетерпением ждет вас.

– Быстро отработали, хваты. Молодцы! – скуппо похвалил своих сотрудников Егор.

Держа в руках огромные клещи, он неторопливо спустился вниз по короткой лестнице, открыл еще одну дверь, вошел в помещение погреба: маленькая комнатуха – три метра на четыре, низкий бревенчатый потолок, пустые стеллажи, на которых было расставлено несколько горящих свечей, в торце – распятый на стене, совершенно голый Брюсов денщик – с глазами полными животного ужаса и парочкой свежих фингалов.

– Александр Данилович, господин генерал-майор! Не губите! – тут же отчаянно зачастил арестованный. – Ни сном я и ни духом! Христом Богом молю! Все расскажу! Ничего не утаю... Святой крест, ей-ей...

– Все расскажешь, конечно, любезный Фрол! – согласился с денщиком Егор, грозно и многозначительно клацнув своими клещами. – Куда же ты денешься, родимый? Только сейчас меня все – и не интересует! Ответишь правдиво всего на три-четыре моих вопроса, и живи себе на здоровье, дальше копти небеса... Ну так как: ответишь – правдиво?

– Отвечу, милостивец, отвечу! Спрашивайте...

– По дороге в Александровку вы с дворянином Брюсом останавливались на постоялом дворе в селе Воскресенском?

– Да, останавливались.

– В какое время дня приехали туда? Зачем?

– К обеду мы и подъехали, господин генерал-майор! – не раздумывая, ответил Фролка. – Господин Брюс сказали, что только пообедаем, накормим лошадей и поедем дальше. Потом, уже ближе к вечеру, передумали велели, мол: «Распрягать лошадей, остаемся здесь ночевать!» Только утром уже...

– Остановись-ка, братец! – властно прервал допрашиваемого Егор и еще раз громко клацнул клещами. – А можешь вспомнить, с кем твой господин обедал? Это очень важно! С кем Яков Брюс обедал, разговаривал? Куда те господа направлялись?

Фролка закатил глаза к потолку, медленно зашевелил губами, явно напрягая свою память, после чего ясно и связно изложил свои воспоминания:

– Кроме моего господина за обеденным столом сидело еще четверо. Все персоны важные и известные. Справа от хозяина – голландец Ван Лейден, пожилой уже, в огненно-рыжем парике. Он в России закупает меха и самоцветы уральские, ехал куда-то на восток, по делам торговым. Не могу сказать точнее... За этим голландцем сидел англичанин по фамилии Сидней. Этот русским лесом торгует. Да в этот раз у него случилась отменная неприятность: бриг его торговый попал в сильный шторм, передняя мачта сломалась, открылась сильная бортовая течь. Так что пришлось англичанину свой корабль поставить на зимовку в Архангельске. А сам мистер Сидней, по его собственным словам, решил немного попутешествовать по России – без всякой цели и конкретного маршрута. Он и сам не знал – куда назавтра поедет. Все никак не мог решить: к Москве следовать или к Воронежу? С левой стороны от господина Брюса сидело двое русских. Савельев Савва Никитич, он по торговой части, состоит при Тихоне Савельевиче Стрешнев, который ведает всеми воинскими поставками. Так вот, этот самый Савельев следовал в Царицын, по делам своей службы. И последний – Цыклер Иван, бывший стрелецкий полковник. Он из Таганрога, где сейчас ремонтирует мол портовый, ехал в Москву Белокаменную...

«И эти четверо наверняка масоны! – решил внутренний голос. – Англичанин и голландец – еще ладно.

А вот эти Савельев и Цыклер... Кончать надо обоих, чисто на всякий случай! Шепнуть не забудь, братец, кому следует. Особенно – по поводу Савельева... А Стрешнев-то Тихон куда, спрашивается, смотрел, чудака старый? А еще – компаньон, блин горелый...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.